

Сан Киари

Пылинбург

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

...есто, где кончаются надежды

18+

Сан Кипари Пылинбург

Серия «3. На страже порядка», книга 1

<https://litres.ru/73806697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пылинбург... Славный городок, жаль забытый. Ах, нет, вернее, его нынче почитают городом-призраком, слабым отголоском обычной жизни! А вот раньше он был известным, благородным и всеми любимым туристическим местом, или, как его прозвали, «городом прислуги». Однако однажды им овладел сильнейший ведьмак пыли, который до сих пор держит оставшихся в живых жителей Пылинбурга в заточении.

И эта история об одной невзрачной служанке, мечтавшей о невозможном – о свободе. Желание вырваться на волю из пыльной тюрьмы движет ею, но суждено ли сбыться её мечте?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Особняк. Часть 1: Прислуга	10
Глава 1.2. Сад	24
Глава 1.3. Повара	34
Глава 1.4. Хозяева	48
Глава 1.5. Уборка улиц	60
Глава 1.6. Мечты	69
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сан Кипари Пылинбург

Пролог

Брось – брось – брось – брось – видеть то, что впереди.

(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог);

Все – все – все – все – от неё сойдут с ума,

И нет сражений на войне!

Ты – ты – ты – ты – пробуй думать о другом, –

Бог – мой – дай сил – обезуметь не совсем!

(Пыль – пыль – пыль – пыль от шагающих сапог!)

Нет сражений на войне!

Редьярд Киплинг (перевод А. Оношкович-Яцыны)

Пылинбург... Славный городок, жаль забытый. Ах, нет, вернее, его нынче почитают городом-призраком, слабым отголоском обычной жизни! А вот раньше... раньше, пятьдесят шесть лет назад он был известным, благородным и всеми любимым туристическим местом, или, как его прозвали, «городом прислуги». Пылинбург вобрал в себя съёмные особняки с обширным вежливым рабочим персоналом, пару-тройку пятизвёздочных гостиниц, множество важных для нашей могучей страны достопримечательностей и также славился большим количеством памятников и статуй, что бисе-

ром рассыпались по всему городу.

По приезде в Пылинбург, когда вы преодолеете обширные километры изумрудного леса, окруживший город, вас встретят белокаменные ворота с позолоченным (но, увы, уже покрытым пятнами ржавчины), разинувшим клыкастую пасть львом на вершине, а после бугристая ветвистая дорога с длинными вереницами дивных особняков, что кичились своей величественностью и стойкостью, ибо многим из них было несколько веков, и лишь трещины и сколы говорили об их солидном возрасте. Достаточно широкие ухоженные улочки, дорогу и мощёный тротуар украшали изящные фонарные столбы с большими чугунными цилиндрами и галстуками-бабочками и небольшие, красочные кустики.

Абсолютно все дороги приведут вас на Центральную площадь, которую возглавляли белое помпезное административное здание с жёлто-красным флагом на бордовой крыше и медная четырёхметровая статуя Создателя – важного для нашей великой и могучей страны деятеля!

Конечно, вся прелесть Пылинбурга осталась, однако память о нём угасла, словно горстка свечи. Спроси любого о Пылинбурге, а он в ответ: «Что? Ты о чём?» Только объехавшие множество городов просторной Яоки старожилы сохраняют этот городок в своих сердцах и предупреждают молодёжь: «Никогда не рискуйте попасть в это Богом забытое место! Оттуда пути назад у вас не будет, какими бы красивыми ни были его достопримечательности и виды!», и бу-

дут правы. Въехать в Пылинбург возможно, однако вернуться нельзя, смертельно: воздух в этом нынче скверном городишке полностью пропитан пылью, оттого чистота прочих городов может задушить загрязнённые лёгкие и всё, мучительный конец! Ведь Пылинбургом уже давно правит гадкая пыль, даже вместо снега в зимнюю пору на промёрзшую землю опадают крупные хлопья пыли и частички грязи, от которой поспешно избавляются прислуга с мокрыми тряпками и швабрами, а также водители поливальных машин: сонные, они с раннего утра объезжают город и обильно омывают улицы из широких шлангов.

Но к чему такая спешка? А к тому, что скопленная пыль может превратиться в громоздких, жутки чудовищ – Пылярников, справиться с которыми способны лишь поливальные шланги и водяные пули, созданные в начале осады Пылинбурга пылью безымянным учёным. Боевая вооружённая прислуга почти каждый день борется то с быстро оседающей на предметы, улицы и дома пылью, то с Пылярниками, убивающих мирное население и без того маленького городка.

«Но если город забыт, откуда в нём еда и вода?» – спросите вы в ответ, на что я отвечу: раз в месяц из соседнего города Тварь приезжают грузовые машины с едой и напитками, которых встречает лично сам мэр Пылинбурга – Шах Шухратт, чрезвычайно худощавый мужчина тридцати лет с жёлтым обвисшим лицом, большими голубыми глазами с нависшими веками, что делали его взгляд «грустным», тёмными

волосами до плеч, тонкими лепестками усиков и извечной полуулыбкой на тонких обкусанных губах. Люди из Твари в защитных костюмах и противогазах, а также прислуга местных особняков относят большие короба на единственный в городе рынок, который по нужде посещают владельцы особняков или отправленные ими посыльные, что снабжают свои дома пропитанием.

Здесь, в Пылинбурге уже привыкли к экономии и слабому чувству колющего голода, потому полных людей в этом городе вы не встретите – все стройны и даже болезненно худы.

«Но что случилось с Пылинбургом?» – зададите вы иной вопрос. Ответ на него... загадочен.

Однажды в ноябре на Центральную площадь Пылинбурга пришёл шестнадцатилетний мальчик в грязно-сером дырчатом плаще и красивым округлым лицом; шелковистые белые волосы его на свету переливались мириадами звёзд, большие, будто всевидящие ока походили на два адуляра, а телосложением он был чрезмерно худ и низок. Но в этом маленьком тельце таилось столько силы, столько злобы на этот несправедливый и жестокий мир, что невозможно себе представить! Он привлёк своей неземной красотой и сиянием всеобщее внимание. Убедившись, что все на него смотрят, он закричал, раздирая горло: «Проклинаю!»

И мгновенно, будто хлёткая пощёчина, на город напал ливень из тяжёлой пыли, что молотом бил по головам кричавших от ужаса жителей и проникал глубоко в их лёгкие.

Люди задыхались, сокрушались в кашле, падали и рыдали, а юноша смеялся, – рокотал его злобный хохот. Ему нравилось, как пыль отнимает яркие, так ненавистные ему цвета, его забавляло, как всё тускнеет и погибает прямо у него на глазах. И особенно хотелось ему поработить не только Пылинбург; его заветной мечтой стала столица их могучей страны Яоки – Даменсток.

Из скопившейся на земле пыли вскоре выросли Пылярники, что беспощадно раздирали не успевших спрятаться в домах людей, совсем не различая, кто взрослый, кто старик, а кто ребёнок. Площадь и улицы покрывали бутоны ярко-алой крови, тела и потроха безобразно валялись везде, где только можно; их ковыряли остроконечными клювами смоляные вороны и протяжно, громогласно каркали, словно пели колыбельную умершим. В городе играла настоящая симфония смерти.

Напуганные люди долго прятались от Пылярников в особняках и позже благодаря садовникам поняли, как надо бороться с хтоническими тварями. Вооружившись шлангами, ведрами и лейками, они окатывали Пылярников водой и с самодовольными улыбками слушали их предсмертные хрипы, когда те таяли и растворялись в лужах. А загадочный юноша пропал из виду, но все знали, что он всё ещё находится в городе, ибо пылевые дожди и зимний пылепад не кончались.

Со временем прислуга поняла, как предотвратить зарождение Пылярников, потому бережно охраняла родной город

от напасти чудовищ мокрыми тряпками, швабрами и водяными ружьями.

И эта история, дорогой друг, об особняке, в котором работала одна невзрачная служанка, так отчаянно мечтавшая о невозможном...

Глава 1: Особняк.

Часть 1: Прислуга

Пылинбург, 6 апреля, 1043 год

Время 06:00

Протрещал будильник, объявляя о начале очередного рабочего дня.

Маргарита будто ошпаренная вскочила с мятой постели, в диком испуге осмотрелась и встретилась взглядом со своей молчаливой двадцатичетырёхлетней коллегой, читавшей безымянный иностранный роман с облезлой обложкой (оттого он и безымянный).

– А! Рогнеда! – вытерев губы от слюней, которые она часто пускала во сне, воскликнула Маргарита.

Коллега коротко усмехнулась и выключила будильник:

– Опять испугалась?

– Да! Ужасный будильник, так трещит, просто жуть! У меня постоянно сердце останавливается от его звона!

– Ничего, привыкнешь.

Рогнеда была очень бледной, хоть и проводящей большую часть времени на улице девушкой с красивым орлиным носом, по-мужски длинными тёмными бакенбардами и узеньким заострённым подбородком. Левую сторону её мягко-

чертного лица молнией прорезал тёмный шрам, полученный в бою с Пылярником и лишивший её зрения на левом глазу. Вечно нахмуренные брови утяжеляли взгляд остекленевших голубых глаз, но, несмотря на отличное зрение, она сильно щурилась, оттого у её век уже собрались трещинки морщин. Густые золотистые волосы всегда были собраны в большой высокий пучок и даже ночью она не распускала его, потому никто не мог узнать длину её волос. От неё всегда рьяно веяло ароматом дешёвого табака, который не перекрыл бы ни один самый сильный или дорогой парфюм, однако ей чрезмерно повезло: редкая улыбка её сверкала белизной и мерзкий жёлтый налёт обходил её стороной. С правого уха её свисала длинная изумрудная серьга с перевёрнутым сердцем на конце.

Хоть Рогнеда и казалась вечно чем-то недовольной и мрачной особой, на деле она – человек большой души, преданный и готовый прийти на подмогу в любое время дня и ночи (не зря она была любимицей Февронии – главной домработницы, что всякий раз просила её о помощи и неустанно хвалила за проделанную работу). Всё своё свободное время она проводила за чтением (вернее, за постоянным перечитыванием любимых книг, ибо ей было трудно прикасаться к чему-то новому) или за рисованием (о, как чудесно она владела графикой и углём!), потому раздражалась, когда её отвлекали от любимых занятий. Маргариту, свою коллегу, Рогнеда любила за чрезмерную наивность и невинность, но в

особенности она любила над ней подшучивать: то напугает из-за угла, то причёску растреплет, то отнимет у неё очки и спрячет их, то подложит ей на стул подушку-пердушку и прочие детские пакости. Маргарита на неё никогда не обижалась, но сильно дулась и долго возмущалась.

– Ты снова рано проснулась... – потёрла глаза Маргарита. Рогнеда пожала плечами и пожевала во рту запечатанный в плёнку леденец. – Что читаешь?

– «Парад планет».

– О-о, снова её перечитываешь?

– Угу.

– Тебе не надоело перечитывать романы? Ты их уже наизусть цитируешь!

– Нет. Я не хочу открывать новую книгу и разочаровываться её содержанием, потому мне легче перечитывать то, что я уже знаю.

– Это странно! Ты вообще никогда не тянешься ни к чему новому, застряла в прошлом и сидишь там!

Рогнеда хмыкнула и пожала плечами.

Маргарита зевнула, по-быстрому заправила постель, накрыв её ярко-красным покрывалом, и спросила:

– Матушка Феврония приходила?

– Нет. Она придёт через три...

За дверью послышались приближающиеся шаги.

– Два...

Дверь тихо скрипнула.

– Один.

В служебную комнатку вошла крупная грудастая дама с круглыми оттопыренными ушами, большими пустыми васильковыми глазами, толстой упитанной шеей, густыми бровями, тёмным пучком и мясистым носиком, – то была набожная боевая женщина шестидесяти лет, истинно почитавшая и любящая Создателя, хорошую крепкую выпивку, а также свою работу, которой посвятила всю свою жизнь.

Пробежавшись строгим взглядом по голубым полосатым стенам, женщина остановилась на потягивающейся у зеркала Маргарите. Ласковая улыбка тронула её пухлые губы.

– Доброе утро, девочки! Проснулись, улыбнулись!

Рогнеда хмыкнула, а Маргарита счастливо просияла.

– Доброе утро, матушка Феврония! Как спали?

– Замечательно, Марго, только у нас нет времени на пустую болтовню! Хозяева вот-вот вернуться, нам надо привести дом в порядок и приступить к работе. Рогнеда, вижу, ты готова. Идём!

– Да, госпожа.

Рогнеда нехотя отложила книгу и вместе с Февронией вышла из спальни.

Маргарита надела протёртые подолом сорочки очки, тихонько включила радио, по которому вещали интервью с совсем юным, но уже известным на всю Яоки композитором Сэмюелем Лонеро, подошла к широкому шкафу и начала переодеваться: сначала шли белые колготки, затем чёр-

ное пышное платье с рукавами-фонарями, после него белый фартук со спрятанной кобурой под ним и, наконец, туфли на небольшом каблучке. Подойдя к трельяжу, она уложила непослушную чёлку, собрала каштановые волосы в пучок и надела кружевной чепчик, пока из радио лилась чудесная мелодия скрипки и песня, исполняемая приятным баритоном Сэмюеля:

*Всё будет хорошо, прямо как в Раю,
Всё будет хорошо, я тебе обещаю!
Вместе отправимся к дивному саду,
Скажем: «Пока-пока!» страшному Аду...*

Маргарита тихо подпевала любимой песне, пока неторопливо собиралась, а после по забавной привычке тыкнула себя в три родинки вокруг правого, сияющего морганитом глаза, что образовывали углы незримого треугольника, и с мечтательным вздохом выключила радио.

– Эх, жди меня, Сэмюель! Я обязательно приеду в Дамен-сток и попаду к тебе в оркестр! Но сначала схожу на твой концерт и получу автограф с обнимашками, да.

Ах, Маргарита, Маргарита! Мечтательная, сердобольная душа, которая всем своим сердцем мечтала вырваться на свободу из этого скверного, как ей казалось, городишка с отравленной и мрачной атмосферой, что душила её! Она прекрасно владела скрипкой (на которой научилась играть

сама, что в особняке хозяева прозвали даром свыше) и фортепиано, ибо развлекала этим своих господ, а потому мечта об игре в оркестре любимого маэстро казалась ей исполнимой, главное выбраться на волю и всё, победа у неё в кармане! И ведь она была совсем юна: на днях ей только исполнилось девятнадцать, оттого наивные грёзы о скором чуде затмевали её ещё детский разум. Матушка Феврония не могла, вернее, не хотела ей объяснять, что для того, чтобы прорваться в столице, ей нужен не только талант, но и деньги, много денег (которых у них не было), ибо заменяла ей умершую в битве мать (как думала сама Маргарита). Будет жестоко обрывать эти сладострастные мечтания! Потому она лишь подогревала её надежды, говоря, что у неё «обязательно всё получится, главное верить в себя и свой талант».

Помимо грёз о карьере, душа её томилась в ожидании принца, который словно в сказках обязан выюгой ворваться в её скучную однотипную жизнь и сплести свою судьбу с ней, ведь она так юна, добра и хороша! С ранних лет Феврония учила её этикету и манерам, рассказывала, как правильно говорить с гостями и соблюдать порядок, потому Маргарита чувствовала себя очень красивой и аккуратной принцессой, чьей судьбой, к сожалению, было не встречать гостей в роскошных нарядах и сияющих украшениях, а убираться и денно и ночью сражаться с проклятыми Пылярниками. Но ничего, вот вырвется она на свободу, приедет в Даменсток и жизнь её превратится в самую настоящую сказку! Ведь так?

– А деньги у тебя на это есть? – спрашивала её всякий раз Рогнеда, когда матушки Февронии не было рядом.

– Ну-у, у меня есть талант, а это главное! – весело отвечала наивная Маргарита. Тогда Рогнеда замолкала, понимая, что коллега её ещё не выросла для осознания суровой и жестокой действительности.

Маргарита окончательно привела себя в порядок, проверила магазин пистолета на наличие патронов и вышла из комнаты, направившись в шваберную, где встретилась с Февронией.

– Марго! – воскликнула суетливая матушка. – Наши хозяева придут с минуты на минуту! Вооружайся шваброй и бегом мыть пол! Остальные уже машут тряпками направо и налево. Начни с холла, там всё убрано.

– Хорошо! – ответила девушка, набрала в ведро воды, взяла любимую красную швабру, которую прозвала «Офелией», и вышла в увешанный потемневшими от старого лака картинами холл, где, пританцовывая, принялась за уборку. Мыть полы ей нравилось больше работы с мокрыми тряпками, потому, напевая под нос незамысловатую песенку, она с удовольствием оттирала пыльные углы и омывала кафель водой.

Закончив с холлом, она сменила воду и вышла в небольшую гостиную, из неё – в обширную столовую, далее на пока пустую кухню (ибо повара ещё не собрались), гардеробную, постирочную, шваберную, бойлерную, туалет и завершила уборку на первом этаже двумя служебными спальнями

(другие две были ещё заняты).

Отмыв белую мраморную лестницу, она с ведром поднялась на второй этаж и сразу ворвалась в обширный хозяйский кабинет, оттуда – в переполненную книгами библиотеку, затем в сияющую белизной ванную комнату, богато обшитую хозяйскую спальню и бильярдную. Работала она быстро, качественно и ловко управлялась со шваброй, словно она была продолжением её рук.

Управилась она за час, побив свой рекорд, потому с самодовольной ухмылкой вышла из бильярдной и встретила лицом к лицу с третьим слугой – Лодырем. Это был светлый веснушчатый двенадцатилетний молодой человек со странными рыжими волосами, чья длинная чёлка закрывала ему отсутствующий правый глаз (который он потерял во время битвы с Пылярником), и полуприкрытым небесно-голубым левым глазом. Одет он был в чёрный фрак, туго обвязанный галстук и белую рубашку, а в руке держал мокрую тряпку.

Лодырь под стать имени был чрезмерно ленив, грубоват и нерасторопен, однако в критические ситуации мог стать ловким и храбрым воином, готовым защищать близких. Помимо прочего он сильно картавил и часто кусал тонкие губы, от которых «скоро живого места не останется», как говорили любящие его за преданность хозяева.

В шесть лет Лодырь остался сиротой, ибо на особняк, в котором он рос сыном садовника, напал Пылярник и пере-

бил всех жителей. Гулявшая неподалёку матушка Феврония зашла в навеки замолкший дом, ужаснулась и забрала немомго мальчика, которого шуточно прозвала Лодырем, ведь тот даже не испугался вида выпотрошенных тел и всё лениво, медленно двигался. Хозяева решили, что это – истинное имя бедного мальчика, потому все в особняке стали называть его Лодырем. А что сам слуга? Он совсем не обижался на матушку Февронию, даже шутил над самим собой и о смене имени ни разу не подумал.

– Ку-уда по помытому?! – вскричала нахмурившаяся Маргарита и ударила насвистывавшего мелодию Лодыря шваброй по ногам.

– Тише, тише, ангелок, твой вегный слуга-демон больше не будет ступать на сие блестящий пол! – поднял руки слуга и улыбнулся во все зубы.

– Опять ты со своим ангелком и демоном... Я Марго, а не ангелок! А ты – Лодырь!

– Ха-ха, для меня ты навсегда останешься ангелком!

– Бр-р... Если ты так со мной флиртуешь, у тебя ужасно получается.

– Не-е, флирт – это другое.

– Ага-ага, иди лучше дальше пыль вытирай!

– Ой-ой, ангелок газдгажён! Бегите, пока она не выбгосила вас в канаву!

– Ты дошутишься и реально окажешься в канаве!

– Ох, с гадостью, миледи! Но ваши нежные гучки не со-

зданы для этого.

– О-о, уже миледи! Фи!

– Ежели желаешь, могу называть тебя не ангелком, не миледи, а пгинцессой! Ты ведь всё мечтаешь о пгинце на белом коне и о... свободе.

– Да, и что?

– А чего тебе тут не нгавится, неугомонная моя? У тебя дом есть, дгузья есть, еда есть... Чего ты ещё хочешь? Почему не успокоишься и не пгимешь тот факт, что ты тут навечно?

Девушка глубоко вздохнула и поджала губы. Глаза её налились кровью.

– Ты не можешь, нет, не хочешь понять моей жизни здесь! Я тут задыхаюсь, не могу дышать полной грудью в этом чудовищном городе! Пусть это и моя родина, но я, в отличие от тебя и Рогнеды, стремлюсь и мечтаю о великом, а не о низменном! Здесь не мой дом, это – не мой город!

Лодырь хотел что-то сказать, но она вскрикнула:

– Всё, отстань от меня! Ты испытываешь моё терпение, а оно не предназначено, чтобы терпеть!

Взъярённая Маргарита с лёгкостью подняла полное грязной воды ведро, спустилась на первый этаж и зашла в шваберную. Слив воду и прополоснув швабру, она со вздохом облегчения потянулась и хрустнула спиной.

– Да ты вся уже хгустишь и сыплешься, стагушка дгяхлая моя! Или всё же пгинцесса? – усмехнулся Лодырь в дверях и бросил тряпку на полку.

– Ой, да отстань от меня! Иди лучше-е... к Ираклию! Да! Поиграй в бадминтон, пока господа не вернулись, а меня больше не тревожь!

– Пгогоняешь меня?

– Да! Ты испортил мне настроение!

Маргарита с высоко поднятой головой вышла из шваберной в холл, где с криком столкнулась с Рогнедой; та шутливо усмехнулась, схватила растерявшуюся девушку и широким кулаком растрепала ей чёлку.

– Рогнеда! Я же её уложила! – воскликнула испугавшаяся Марго.

Рогнеда отпустила коллегу и хмыкнула под тихий смех Лодыря, пока Маргарита вновь прилизывала непослушную чёлку.

– Вижу, вы уже закончили с уборкой, – раздался со стороны томный баритон.

Прислуга посмотрела на подошедшего к ним важной поступью дворецкого Северина. Уголки его тонких старческих губ были слабо приподняты (улыбаться он не умел из-за тяжёлых бульдожьих морщин), изумрудные глаза с опущенными веками сияли, подобно дорогим бриллиантам, и вечно казались опечаленными. Седые редкие волосы были собраны в маленький вьющийся хвостик, а густые бело-карие длинные усы, как всегда, были уложены и завиты.

Одет Северин был в фиолетовый фрак, белую рубашку с поднятым воротом и красным галстуком-бабочкой, брюки

на подтяжках и лакированные туфли. Телосложением он был тощ и немощен, ибо ни разу за всю свою жизнь не поднял ни пистолета, ни клинка, а только наблюдал издали за битвами с Пылярниками и дрожал от ужаса при мысли о своей смерти. Работал в этом особняке он с раннего детства, однако в двенадцать лет остался сиротой и в столь юном возрасте перенял по наследству роль дворецкого и управление хозяйством.

– Вы как раз вовремя; скоро придут хозяева, – распахнул серебряные карманные часы Северин.

– Это хорошо, но, если не секрет, куда наши господа уехали ещё и с ночёвкой? – полюбопытствовала Марго.

– В особняк N.

– Это к господам Трикси, что ли? – нахмурилась Рогнеда.

– Да. Госпожа Трикси недавно потеряла мужа и осталась с двумя детьми, потому наши хозяева решили провести и утешить горюющую вдову, – пояснил дворецкий. – Но только тс-с! Я этого вам не говорил!

– Хорошо-хорошо! – воскликнула Марго.

– Дурное у меня предчувствие... – пожевала запечатанный леденец Рогнеда. – Я слышала, в этом особняке слабая дурная прислуга и пыль редко вытирают, оттого там часто ошибаются Пылярники. Уверены, что с ними всё в порядке?

– По гадио пегедавали, что на юге вчегда было спокойно, так что не пагься! – сказал зевающий Лодырь. – Кстати, Северин, а повога-то очнулись?

– Да, они скоро возьмутся за готовку, и позже вы поможете

накрыть на стол.

Со стороны раздался рваный вздох, – к ним подошла запыхавшаяся матушка Феврония. Северин ласково улыбнулся ей.

– Что, убрались? – спросила женщина у подопечных. Те кивнули. – Отлично! Можете передохнуть, пока яства не готовы, и потом уже вперёд на кухню.

Повернувшись лицом к большому портрету Создателя, Феврония поклонилась ему и прошептала:

– Благодарим за этот новый день, о, Создатель! Пусть он пройдёт спокойно.

Маргарита похлопала глазами, оробело встала рядом (почему-то Создатель её пугал) и тоже поклонилась портрету, что вызвало усмешку у Лодыря и Рогнеды.

– Молодец, Марго! – похвалила её матушка. – А вы двое, ну-ка, тоже поблагодарите Создателя за этот день! Все мы ходим под его наблюдением, он нас защищает!

– Ага, только он пго нас забыл.

– Не говори так, Лодырь! Я уверена, он про нас помнит.

– Пф, бгед.

– Ты поругаться со мной хочешь, а?

– Нет, я хочу, чтобы вы, наконец, сняли с глаз эту тупую пелену и пгиняли как факт, что пго нас, кгоме Тваги, никто не помнит! К нам даже подмогу никогда не вызывали, что уж говогить пго память о вели-иком Пылинбургге! Нас стёгли из жизни, матушка Февгония, пгимите это наконец! Никакой

Создатель нам не поможет!

– Отчасти согласна с Лодырем, вряд ли про нас помнят верха Яоки, – кивнула Рогнеда. – Думаю, Тварь не сильно-то и хочет нам помогать, но спасибо, что хотя бы обеспечивают нас пропитанием. И если бы про Пылинбург помнили, может, кто-нибудь бы собрал деньги на помощь для нас, а пока мы можем лишь продолжать жить и бороться с Пылярниками. Вот и всё.

– Какие же вы пессимисты! – пробубнила Марго.

– Не пессимисты, а геалисты. Тебе бы не помешало снять гозовые очки, пгинцесса.

– Они прозрачные! И вообще, что вы прицепились к ма-тушке Февронии? Мы верим в Создателя и надеемся на лучшее!

– Мы тоже надеемся на лучшее и просто говорим факты, – сказала Рогнеда.

– Так, вы хотите весь перерыв спорить друг с другом или отдохнуть? – нахмурилась Феврония. – Если не хотите отдыхать, то помогите садовникам!

– Я пас, – отмахнулся Лодырь и ушёл в служебную, где громко плюхнулся на постель.

– Рогнеда, Марго, поможете?

Девушки переглянулись и сразу же согласились.

Глава 1.2. Сад

Улица сияла от влаги; вдалеке слышался гимн поливальных машин. Апрельское солнце, белой тарелочкой висевшее в бескрайних амазонитовых небесах, пощипывало кожу. Слабый ветерок шуршал листвой.

Маргарита и Рогнеда перед выходом на улицу проверили магазины пистолетов и, приподняв подолы платьев, вышли в большой чудесный сад, соединённый с огородом, в котором вовсю копалась невысокая тридцатипятилетняя садовница Маковка, одетая в джинсовый комбинезон, оранжевую старую рубашку, грязные резиновые сапоги, перчатки и соломенную шляпу, на чьём фоне выделялось тёмное овальное лицо с пухлыми губами и блестящими чёрными глазами. Белые кудри, не доходившие до плеч, забавно выглядывали из-под шляпы, придавали ей неземной красоты и до сих пор поражали Маргариту, любившую досконально изучать чужую внешность.

Родилась Маковка в особняке М у пожилой пары белых садовников: мать умерла при родах, ибо ей было уже семьдесят два, а спустя пару лет у отца остановилось сердце при внезапной встрече с Пылярником. Многие в особняке задавались вопросами, почему девочка родилась темнокожей, однако милая библиотекаряша рассказала всем про редкую мутацию в генах и решила взять ответственность за воспи-

тание ребёнка на себя. Тогда-то Маковка и поняла, что милой библиотекарша была лишь на первый взгляд: женщина постоянно оскорбляла воспитанницу и, когда та тянулась к саду и огороду, била по лицу, ведь дочь библиотекаря должна вырасти библиотекарем, никак иначе! Читать девочка не особо любила и всякий раз грезила о том, чтобы сжечь ненавистную ей библиотеку со всеми скучными тяжёлыми романами.

Когда Маковке исполнилось восемнадцать, библиотекаршу сбила машина – это девушка восприняла как знак того, что ей стоит подумать о побеге, и тогда она пришла в особняк Дебюсанов, в котором счастливо живёт и по сей день. Почти сразу у неё закрутился бурный роман с водителем Ахоем и спустя два года их союз породил на свет мальчика Ираклия, который, повзрослев, усердно помогал матери по хозяйству в саду.

Маковка упёрла руки в бока и вздохнула, когда девушки подошли к ней.

– Ох, Марго, Рогни, зайчики мои! Зачем пожаловали?

– Матушка Феврония сказала, что вам нужна помощь, – ответила Маргарита.

– М-м, да, мне бы не помешали дополнительные руки. Ираклий пока не проснулся, а таскаться с лейкоми мне в тягость... Я ведь слабенькая, немощная, не то, что вы!

– Значит, надо помочь с поливкой? – уточнила Рогнеда, пожёвывая нераспечатанный леденец.

– Да, если вам не будет трудно, полейте цветы, а я пока увлажню дом. Ох, когда-нибудь мы заживём спокойно... когда-нибудь...

Схватившись за шланг, Маковка обратилась мощной струёй воды к крепким стенам особняка, а служанки, вооружившись тяжёлыми лейками, бродили по саду-огороду и молчаливо поливали то грядки, то кусты. Увлёкшаяся делом Маргарита напевала себе под нос песенку, стоя у забора, когда Рогнеда окликнула её.

– Марго!

Девушка тут же подняла лицо, встретившись взглядом с тремя выпученными глазами, и с визгом отпрыгнула назад, вовремя увернувшись от удара. Трёхметровое горбатое чудовище, полностью сотканное из пыли и крупиц человеческих останков, склонилось над зубьями чугунного забора и вновь попыталось дотянуться до служанки своей широкой ладонью, за что получил пулю в грудь. Рогнеда, достав пистолеты из кобур, одним прыжком преодолела забор и встала напротив него в боевую стойку. Трёхглазое чудовище пощёлкало жёлтыми зубами одного из ртов, находившегося у него на лбу, и довольно промычало, повернувшись лицом к бесстрашной блондинке.

Первый удар не заставил себя долго ждать: Пылярник пулей набросился на служанку, попытавшись схватить её своими длинными цепкими пальцами, однако Рогнеда ловко уворачивалась и, казалось, будто телепортировалась с места на

место – настолько быстры были её передвижения! Озадаченное чудовище махало ручищами и утробно рычало, пока получал пулю за пулей, что дырявили его мощное тело. Но сколько бы служанка ни стреляла, добраться до жизненно-важных органов было трудно, ибо этот Пылярник обладал толстым кожным покровом и крепкими лоскутами мышц.

Пока Рогнеда его отвлекала, Маргарита вооружилась ведром воды, выбежала за ограду через ворота (ибо *настолько*-высоко прыгать, как коллега, она не умела) и окатила спину чудовища водой, которая подобно кислоте начала разъедать его плоть. Пылярник завизжал, отчего сотряслась земля под ним, и, ослеплённый яростью, обернулся к Марго.

– Рогнеда, действуй! – закричала шатенка.

Тотчас Рогнеда одним прыжком взобралась на его полу-разъеденную спину, поднявшись по жёлтым рёбрам, как по лестнице, и одним точным выстрелом поразила его пулей в сердце. Пылярник выгнулся, издав последний вопль, и с грохотом рухнул наземь.

– Фух! – вздохнула Маргарита. – Я чуть от страха не умерла! Спасибо, что спасла мою голову.

– Не за что.

Рогнеда подошла к лысой голове чудовища. В руке её сверкнул охотничий нож, и вскоре в руках её оказался глаз Пылярника, по массе своей напоминающий волейбольный мяч.

– Иу! Рогнеда, ты что делаешь?!

– Развлекаюсь, – девушка оценивающе подбросила «мяч» в воздух, а после, будто профессиональный футболист, начала чеканить его ногой.

– Это же глаз!

– И? Он похож на мяч, – она поймала глаз в руки и зло ухмыльнулась. – Противно, да?

– ...я не перестаю поражаться тебе.

Между тем из особняка вышел очень высокий темнокожий юноша (который выглядел весьма взросло для своего возраста) с короткими растрёпанными белокурыми волосами и большими аметистовыми глазами, в которых смешались и страх, и восторг; на нём была старая фиолетовая футболка, тёмный комбинезон и высокие жёлтые резиновые сапоги. Это был сын Маковки и Ахоя – Ираклий, трусливый, но очаровательно добрый мальчик. Он совсем не был силён физически, однако блистал умом: в отличие от матери он обожал литературу и к своим пятнадцати годам прочёл почти всю хозяйевскую библиотеку (а она была одной из самых крупных в Пылинбурге!) Он мог поддержать любой разговор о любом виде искусства, обожал тему символизма, растений и весьма неплохо разбирался в политике; на страницах его феноменальной памяти были высечены тысячи имён именитых общественных и политических деятелей.

Родители его утопали в сладостных мечтаниях о том, что когда-нибудь они выберутся из этого Богом забытого места, и их сынок станет великим человеком, чьё имя будет знать

каждый в их могучей стране, нет, во всём мире! Однако сам Ираклий не был карьеристом и мечтал о спокойной деревенской жизни: ему хотелось ответно влюбиться, вырастить сына или дочурку, построить свой дом и прожить долгую, счастливую жизнь.

Ираклий бежал к ним и восторженно восклицал:

– Госпожа Маргарита, госпожа Рогнеда, вы как всегда потрясающе! Ваш добывающий приём вновь поставил точку в сей захватывающей битве! Я наблюдал за вами из окна и... нет, не могу подобрать нужных слов! Я лишь хочу сказать, что вы невероятно восхитительны! – он перевёл взгляд на чеканящую «мяч» Рогнеду и посерел от ужаса. – А-а! Это глаз Пылярика?!

Ничего не ответив, служанка подхватила глаз на руки и бросила его в дерево, чьи ветви необычным образом скрутились в форме кольца.

– Трёхочковый! – ухмыльнулась она, когда «мяч» попал точно в цель, откатившись от могучего ствола, вытащила из кармана пачку сигарет и закурила.

Подростки молчаливо переглянулись.

– Она странная, – прошептала Марго.

– Ну, это госпожа Рогнеда... – пожал плечами Ираклий.

Вскоре к ним вышла вздыхающая Маковка и, остановившись у крупного тела чудовища, прошлась по нему встревоженным взглядом.

– Что, бойцы, снова на Пылярика наткнулись?

– Это он на нас наткнулся! И мы снова победили! – воскликнула с самодовольной ухмылкой Маргарита.

– Никто в вас не сомневается, зайки мои.

– Кажется, вы чем-то озабочены, – нахмурилась Рогнеда.

Маковка качнула головой:

– Да, есть такое. Сама не знаю, что со мной; тревожно как-то... Кажется, что что-то идёт не так.

– Сигаретку?

– Спасибо, Рогни, но я бросаю курить. Лучше пойду помолюсь; может хоть так душа успокоится...

– Вы всё ещё верите в Создателя?

– Да как тут не верить? Без веры я бы сошла с ума, а так хоть какая-то надежда присутствует. Понимаю твой скептицизм, Рогни, но хочешь не хочешь, а верить надо; без веры душа погибает, – она протянула Ираклию ладонь. – Ира, пойдём?

– Хорошо, мамуль.

Взяв сына за руку и пожелав служанкам удачи, Маковка с тихим оханьем скрылась в саду, а Рогнеда с Маргаритой, закончив поливать грядки, зашли обратно в особняк, чьё нутро заполонили чудесная мелодия и ласкающий слух тенор:

Ах, сегдаце, тобой говогит пианино,

Любовью ты целишься, но всё гавно мимо!

Газ – не попал, два – не попал, я уж не надеюсь!

Смотрю на тебя и как мальчик кгаснею.

«Чего ты жселаешь?» «Любви и заботы!»

*Чтобы заполнить души своей пустоты!
Наполнить жизнь смыслом и помнить о том,
Что, где моя любовь, там и есть мой дом!»
О-о, любовь, любовь, любо-овь
В мозоз соггеет тело вновь!
Любовь, любовь, любовь, любо-овь...
Стигаю от отчаяния гуки в кзовь!
Пагам-пага-па, пагам-пам-па...*

Подруги на цыпочках зашли в гостиную, где за блестящим, будто новым белым пианино сидел Лодырь в одной лишь рубашке и, покачиваясь из стороны в сторону с закрытым глазом, отдавал сие завораживающему искусству всего себя. Однако несмотря на то, что всё его внимание занимал инструмент, слуга ощутил присутствие коллег и усмехнулся про себя.

Прозвучали последние аккорды, – он незаметно и плавно перешёл ко второй, более задорной песне:

*Склонивши голову, цветок
Скзывает кгасоту свою!
Но отведи свой лепесток,
Цветок, ведь я тебя люблю!
В мире нет чудесней
Твоих блестящих ягких глаз!
И с каждым газом интегесней
Испытывать от слов экстаз!
Любить себя я не заставлю,*

Но, честно, этого хочу!

Может быть тебе понгавлюсь, –

Мою исполнишь ты мечту!

А-а, склонивши голову, цветок

Остался в одиночестве!

Но отведи свой лепесток,

Мне быть с тобою очень хочется!

Люби меня, заметь меня!

Мне подаги свой кготкий взгляд!

Ведь заслужил любви чутка,

А если нет – то выпью яд!

Люби меня! Заметь меня!

И подаги мне всю себя!

Мне большего не хочется,

Мне хочется тебя!

В последний раз ударив по клавишам, Лодырь круто развернулся к девушкам лицом и низко поклонился, когда сияющая (и, кажется, больше не обижавшаяся на него) Маргарита заплодировала:

– Как всегда потрясающе, Лодырь!

– Благодагю, благодагю, пгинцесса! Твоя похвала лучше всякого вина!

– Так ты ж никогда не пробовал вино!

– Да, но я увеген, оно не сгавнится с тобой, ангелок, – он подмигнул.

– Опять флиртуешь?

– Скорее глаголю истину!

– А откуда у тебя столько песен? – прервав слащавое кокетство, поинтересовалась Рогнеда.

– О-о, это всё я сам сочиняю, – его веснушчатое и довольное лицо порозовело, когда Марго громко удивлённо воскликнула:

– Да ладно! Я не думала, что ты ещё и прекрасный поэт!

– А я пгосто частично скгывал свой талант, хе-хе! И, газ уж ты узнала мой секгетик, могу ли я посостязаться за твоё сегдце с твоим непгевзойдённым Сэмюелем Лонего?

– Ой, Лодырь, тебе ещё далеко до него...

– Но он моложе меня! А я более опытный мужчина...

Неужели ты любишь помладше?

– Ну-у, кто знает? – захихикала Маргарита.

– Породистых псов берут щенками, – с ухмылкой добавила Рогнеда, отчего Лодырь с досадой надул щёки, скрестив руки на груди, и вздохнул со звуком: «Пу-пу-пу...»

– Завтрак готов! – раздался из столовой голос Февронии.

Прислуга тут же обратила взоры в холл и переглянулась.

– Я уж и забыла про завтрак, – Рогнеда убрала леденец в карман.

– А я вот голодная, как не знаю кто!

– Солидаген.

– Завтрак остывает! – снова крикнула Феврония, и троица поспешила в столовую.

Глава 1.3. Повара

Паста карбонара, – м-м! – любимейшее блюдо в особняке Дебьюсанов! Однако, к сожалению, здесь его готовят редко и только по желанию хозяев, дабы чудеснейшая карбонара всегда оставалась деликатесом, а не приевшейся пастой. Чесночно-сырный аромат, разлившийся по обширной столовой, опьянял и щекотал голодные желудки, отчего во рту скапливалась слюна, а живот скручивало в пружину. Как же хотелось есть!

Проголодавшаяся Маргарита первой забежала в столовую и чуть не столкнулась с семнадцатилетней Моникой – помощницей шеф-повара, работающей в особняке только второй год. Низенькая, узкоплечая и почти полностью облысевшая девочка посмотрела на Маргариту своими большими, слегка косящими малиновыми глазами, оставила ниточку, к которой была привязана розовая деревянная машинка, и бросилась в объятия служанки.

– Рита, Рита! – радостно восклицала Моника, прижимаясь к её груди. – Рита, а папа мне подарил машинку! Смотри, вот она!

С этими словами она взяла на руки игрушку и показала её служанке.

– О, какая прелесть! – мягко улыбнулась девушка, погладив девочку по тоненькой спинке. – А как ты её назвала?

– Розочка! Это моё любимое имя!

– О-о, это очень мило! Теперь вы подружки: Моника и Розочка!

– Да!

Моника заулыбалась во все зубы, и из-за заячьей губы её личико больше походило на звериную мордочку. Маргарита всегда умилялась её интересной внешности, однако в то же время ей становилось страшно, ведь на лбу у девочки с малочисленными островками волос был весьма большой шрам, оставленный ножом и образующий слово «тварь». При взгляде на её лоб в памяти у служанки вспыхивал день, когда Моника стала частью их большой и дружной семьи.

Не спалось.

Маргарита лежала на смятой простыни, переворачивалась с боку на бок и считала воображаемых ворон, надеясь, что таким образом заставит себя заснуть, но безуспешно. Вздыхнув, она надела очки и посмотрела на посеребрённые лунным светом часы.

«Почти три... Здорово, Марго, завтра возвращаются хозяйева, а ты до сих пор бодрствуешь! Снова будешь ныть из-за недосыпа и клевать носом, да?»

Вдев ноги в тапочки и надев на пояс кобуру с пистолетом, она, дабы не разбудить Февронию и Рогнеду, на цыпочках вышла в холл и, переобувшись, покинула особняк. В часы бессонницы, особенно если на дворе стояло лето или весна,

она часто выходила на улицу побродить по пустым окрестностям Пылинбурга и рассортировать мысли по полочкам. Порой она гуляла не одна, но об этом мы расскажем чуть позже, ибо на сей раз её спутником был лишь шаловливый ветерок, играющийся с длинными каштановыми волосами и подолом ночного платья.

Немного побродив по саду и понаблюдав за дивным танцем светлячков, Маргарита вышла за пределы особняка, обняла себя и в мрачной задумчивости направилась к соседнему зданию.

«После смерти Али Янис сам не свой. Уже полтора месяца прошло, а он всё горюет и горюет... ну, благо, пить не начал... Эх, бедняжка Янис! Аля ему была почти как дочь! Не представляю, что он чувствует... Даже понять не могу, как помочь ему отвлечься и что сказать, чтобы хоть чуточку подбодрить...»

Закрыв глаза и глубоко вдохнув, она дошла до поворота, завернула за угол и от испуга крикнула, когда сбила кого-то с ног. Глянув вниз, она увидела на земле трясущуюся, как лепесток пламени, девочку, более походившую на оживший скелет, чем на человека. На вид ей было не больше десяти лет. Большие впалые глаза, не мигая, смотрели ей прямо в душу, бледное личико покрывали тёмные пятна – синяки и ссадины, на лбу темнело слово-шрам «тварь». Из одежды на ней был лишь маленький дырявый плед, прикрывающий её изувеченное нагое тельце.

Сердце больно ударилось о грудную клетку. Ужаснувшаяся Маргарита отпрянула от ребёнка и отвернулась.

«Господи!»

– Госпожа, а вы... – едва слышно прошептала девочка, поднялась на тонюсенькие ножки с разбитыми коленками и замолкла, не договорив.

Служанка, придя в себя, поприжимала к горячим щекам холодные ладони и повернулась к ней белым лицом, искажённым в гримасе сожаления (хотя оно больше походило на гримасу отвращения), что сильно напугало девочку, и та, закрыв рот ладошками, попятилась.

– Ох! Прости-прости! Напугала, да?.. – тут же встрепенулась Маргарита. Дитя промолчало. – Кто ты? И что ты здесь делаешь в такой поздний час? Детям опасно гулять по ночам, тем более без присмотра взрослых!

Остекленевшие выпученные глаза пробежались по зданиям, окруживших их, затем «ощупали» сухие мощёные тропы и в конце остановились на девичьем лице.

– Всё хорошо, малышка, я тебя не обижу, – служанка села перед ней на корточки. – Прости, я тоже испугалась тебя, но сейчас всё хорошо... Всё хо-ро-шо!

– ...г-госпожа...

Маленькая грудка тяжело вздымалась и опускалась.

– Я тебя слушаю.

– ...я хочу кушать... и м-мне холодно...

– Ох, малышка... я, м-м...

«Что делать, что делать, что делать?! Если не помогу, она наверняка умрёт! Боже, она выглядит просто ужасно! Синяки, ссадины... и худышка такая! Прямо как оживший мертвец! Но... да, жаль, конечно, но... что я могу сделать? Привести в особняк? Но хозяйева...»

Резко мотнув головой, Марго откинула мысли прочь и решительно протянула ей ладонь.

– Идём. Я тебе помогу.

Девочка вздрогнула. Она некоторое время колебалась и кусала сухие губы, но всё же обхватила её ладонь своими маленькими пальчиками. Служанка снова осмотрела бедное создание с головы до ног и ужаснулась: её босые стопы были все в крови! С позволения подхватив её на руки (сердце её ёкнуло, когда она поняла, что та практически ничего не весит), она отнесла её в особняк, где умыла ей ручки на кухне, усадила в столовой за стол, на котором зажгла горсть свечи, и начала обыскивать холодильники. Благо, с ужина у них осталось немного карбонары, которую обрадованная служанка подогрела на плите и подала к столу. Девочка удивлённо посмотрела в тарелку, затем на протянутую ей вилку и округлила глазки.

– Что это?

– Это паста карбонара.

– Нет, то, что вы держите в руке...

– А, это? Это вилка. Ты никогда не видела вилок?

– Видела, но зачем вы даёте её мне?

– Чтобы ты поела. Не будешь же ты есть руками!

– Я всегда ем руками...

– Нет-нет! Ты не будешь пачкать свои ручки! Давай... давай я тебя покормлю! – Марго с улыбкой села напротив неё и, промычав задорную мелодию, накрутила на вилку пасты.
– Открой ротик: летит самолётик! А-ам! Вот так, да! Давай ещё... Второй самолётик, а-ам! Умница! Давай протру ротик... да, вот так!

– Госпожа, а что такое самолётик?

– Э-эм... Честно, я и сама не до конца понимаю, что это, да и никогда не видела самолётов, но-о говорят, это необъятная машина, летающая по небу!

– Она летает, как птица?

– Да, прямо как птица! По рассказам моей подруги это больши-ие машины с крыльями, в которых помещается больше ста человек!

– Ух ты! – изумилась девочка, но после в ужасе закрыла рот руками.

– Что случилось?

– А мне точно можно это есть?..

– Конечно! Давай, третий самолётик летит в ротик! А-ам!

Вкусно?

– У-угу...

– Самое главное! А-а...

– Да ты пгямо как мамочка, ангелок!

Маргарита испуганно икнула и посмотрела на стоящего

в дверях Лодыря. Девочка, уронив свой плед, нырнула под стол.

– Лодырь? А ты чего не спишь?

– В убогую ходил, услышал шум и гешил глянуть, что поисходит. К слову, я не понял, что поисходит.

– Это... ой...

Марго приподняла скатерть и глянула под стол, где дрожала напуганная до смерти девочка.

– Малышка, не бойся, всё хорошо: это Лодырь, мой друг! Он очень хороший и добрый! О, да, нам ведь нужно познакомиться! Иди сюда! Да, вот так... – когда дитя вернулось на место, она накинула на неё плед и указала ладонью на парня.

– Смотри, это – Лодырь, слуга этого особняка, и мой друг. Я – Маргарита, можно Рита или Марго, я тоже служанка. А ты?

– А я... я Моника.

– А-а, какое милое имя!

– Эй, Моника, – Лодырь подошел к ним, держа руки в карманах ночных шорт, и сел между ними на корточки, – а откуда ты?

– Из... дома.

– Это понятно. А кто его хозяева?

– Я не знаю.

– Ага... так... а что ты здесь делаешь?

– Меня сюда привела Рита.

– А как же твой дом?

– А дом... т-туда пришли большие монстры. Сначала гос-

пода громко кричали, пока я сидела под столом, а потом всё стало тихо... Я вылезла; всё вокруг было ярко-красное и пахло странно... Я попыталась разбудить господ, но они слишком крепко спали! И из них всех что-то торчало такое... склизкое и тоже красное. Мне стало плохо от запаха, потому я решила выйти на улицу.

– Понял... А что с тобой? Кто написал тебе *этона* лбу?

– Мои господа. Я слишком громко чихнула, и они меня наказали.

– ...а волосы?

– Мне их господа выдернули, потому что я заплакала при них.

Слуги молча переглянулись и поджали губы, как вдруг над их головами один за одним загорелись люстры и ослепили трицу. В столовую вошёл высокий, заросший щетиной скуластый мужчина с большим носом с двумя горбинками и в расстёгнутой ночной рубашке, обнажавшей разукрашенные тёмными рубцами грудь и рельефный пресс. Блондинистые волосы распластались по его широким плечам, а единственный целый правый глаз, под которым темнели царапины бессонных ночей, внимательно осматривал слуг и девочку (второй глаз его был утерян во время военной операции и таился под чёрной повязкой).

– Что тут происходит? – раздался утробный баритон.

– Г-господин Янис, я могу всё объяснить... – запинаясь, начала Маргарита, однако шеф-повар прервал её жестом и

подошёл к смотрящей ему прямо в глаза Монике. На удивление, девочка не была напугана и даже улыбнулась уголками губ.

– Здравствуйте, господин, – прошептала она.

– Как тебя совут?

– Моника.

Он осторожно пожал ей руку.

– Приятно познакомиться. Меня совут Янис, я шеф-повар. Можно я садам тебе несколько вопросов, Моника?

– Да, господин.

Янис, как и Лодырь до этого, расспросил девочку и узнал её ужасающую историю (а также то, что ей, оказывается, целых 16 лет!) Под конец рассказа глаз его блеснул и, казалось, по колючей щеке скатится скупая мужская слеза, однако он лишь осторожно похлопал Моника по плечу и строго отчеканил:

– Теперь ты будешь жить с нами. Это твой новый дом.

– А?.. – девочка удивлённо поморгала. – А так можно?..

– Да. Утром я поговорю с хозяевами и попрошу оставить тебя. Скажи мне, Моника, что ты умеешь делать по хозяйству?

– У прошлых хозяев я готовила.

– Значит, ты юный поварёнок... Хорошо, я восьму тебя под свою опеку. Но эти дела мы решим утром, а сейчас – спать, – он обратился к служанке. – Рита, я дам одежду, оставшуюся от Али, помоги Монике переодеться и, по во-

способности, уложи её спать у себя.

– Так точно!

Покопавшись в шкафах, Янис принёс им идеально подошедшую Монике детскую одежду и, пожелав всем спокойной ночи, вместе с Лодырем вернулся в спальню к Северину (однако перед этим он прочёл короткую молитву перед портретом Создателя). Раззевавшаяся Маргарита отвела девочку в служебную комнату и уложила на свою постель.

– Я могу и на полу поспать, – прошептала Моника, пока девушка поправляла ей одеяло.

– Нет, ты больше никогда не будешь спать на полу, – она подавила зевок и опустилась на стул около кровати.

– А вы будете спать?

– О, нет-нет, я буду охранять твой сон! Да и времени у меня уже не осталось, а вот ты хотя бы часок поспи. Ты многое пережила, малышка, тебе нужно отдохнуть и набраться сил; завтра важный день для тебя.

– А мне точно можно здесь жить?..

– Конечно! Господин Янис завтра всё решит.

Моника довольно хихикнула, закрыла глазки и почти сразу погрузилась в чудный сон.

– Рита! Рита! – вывел Маргариту из недр воспоминаний голос Моника.

Служанка поморгала и, придя в себя, улыбнулась девочке.

– Прости, я задумала... А-А!!

Взвизгнув от шлепка, что ошпарил её ягодицы, покрасневшая девушка обернулась и надула щёки:

– Папа! Хватит шлёпать меня! Я уже не маленькая!

– Ха-ха, прости, дорогая, не удержался, – мужчина чмокнул дочь в щёку и приобнял за талию.

Стоявшие позади них Рогнеда и Лодырь многозначительно переглянулись.

Сорокалетний Пахом, отец Маргариты и второй помощник повара, – коренной пылинбуржец, имеющий обманчиво-обаятельную наружность, что сильно контрастировала с его речью. Внешне он был весьма симпатичным и молодо выглядящим мужчиной с гладковыбритым светлым лицом, собранным в свободный хвост тёмным каре и тремя родинками вокруг левого глаза, но, как только открывался его рот, вся эта красота, подобно хрустальной вазе, разбивалась вдребезги.

Обернувшись к коллегам дочери, Пахом нахмурился и прошипел:

– Чё пялите, а?

– Когда ты научишься нормально разговаривать? – скрестила руки на груди Рогнеда.

– Когда ноги твои вместе сомкнутся, шмара лопухая!

– Э-эй, это слишком! – возмутился Лодырь.

– А ты какого хера лезешь в разговор, шваброголовый?

И харе мне подмигивать, я не заднеприводный, в отличие от тебя! То, что я тебе разрешаю лезть к моей дочурке, не

значит, что и ко мне ты можешь лезть!

Маргарита неловко поджала губы.

– Пап, перестань...

Мужчина рассмеялся:

– Да ладно, дорогая, я просто шучу! На шутки обижаются только неженки и идиоты.

– Комик хренов, – Рогнеда обошла их и вместе с Лодырем села за стол, вокруг которого крутился шеф-повар Янис.

Пахом зло усмехнулся и опустил глаза на Монику.

– А ты чё глазёнки вылупила, мелочь плешивая?

– Пап, ну правда, хватит...

Маргарита... эх, бедная Маргарита! Она неоднократно пыталась объяснить отцу, что грубить всем вокруг – дело детское и глупое, однако Пахом пропускал наставления дочери мимо ушей, в шутку шлёпал её по ягодицам и продолжал разбрасываться оскорблениями направо и налево (однако хозяевам повар не огрызался и вёл при них себя прилежно и учтиво). Конечно, у прислуги кулаки чесались разбить это смазливое лицо, но их останавливали хозяева: ослеплённые лживым образом Пахома Дебюсаны были абсолютно против какого-либо насилия в семье и не верили в то, что повар лишь отыгрывал при них роль прилежного мужчины. Всем ничего не оставалось, кроме как прекратить обращать внимание на вечные ругательства и закрыть глаза на этот мерзкий характер, ибо в Пылинбурге, увы, совсем не много поваров, да и вдобавок этот симпатичный гад мог посостязаться

по уровню готовности с шеф-поваром.

Заметив сконфуженность дочери, Пахом снова чмокнул её в щёку и потрепал по плечу.

– Ладно, ладно, больше не бу... А-А! – ошпаренный кипятком повар обернулся и прожёл гневным взором Яниса с пустой кружкой в руке. – Ах ты гнида одноглазая! Какого хера ты творишь?! Аргх, твою мать как жжёт!

– Папа, ты как?! – взволновалась Маргарита.

– Исвиняюсь, случайно пролилось, – спокойно ответил шеф-повар. – Тебе лучше поменять форму, а то скоро хосяева приедут.

– Ты... ты – тупое пушечное мясо! Я тебе ещё рыло начищу за такое, понял?! – рявкнул Пахом. Бранясь, шипя от боли и поглаживая обожжённую спину, он поверженным самцом покинул столовую.

Все с облегчением вздохнули.

– Какого чётга у ангелка в отцах такой мудака? Всё настгение попогтил!

– Ага. С нетерпением жду момента, когда его за шкуру вышвырнут отсюда вон, – согласилась с Лодырем Рогнеда.

Маргарита с тяжёлым вздохом подседа к коллегам и принялась за пасту.

– Простите моего папу, он... он специфичный человек, но он никому не желает зла! Правда-правда!

– Пгинцесса, почему ты пгосто не пгимешь тот факт, что твой отец – тупой недоумок? Ты всегда его так гьяно защи-

щаешь, что мне аж завидно!

– Потому что он мой отец! Я должна любить и уважать его таким, какой он есть.

– А то, что он тебя домогается, тебя не смущает? – поморщилась Рогнеда.

– Ты про шлепки?

– Да.

– А, ну это он так забавляется! Вы же знаете, он всегда меня шлёпал в шутку.

– Пгинцесса, я напомним, что тебе уже девятнадцать лет, и ты – кгасавица в гассвете сил! Тгогать интимные зоны леди – вегах неуважения, пошло и низко! Так почему *ты* его уважаешь, если он тебя такими действиями пгигавнивает к... да Бог знает к кому?!

– Да не приравнивает он меня ни к кому! Я же уже всё объяснила! Если хотите, я могу ещё раз с ним поговорить.

– Это бесполезно, – вздохнула блондинка, подразумевая под этим не Пахома, а подругу. Лодырь понял её и кивнул.

Позже в столовую пришли садовники: Маковка с Ираклием и, подняв прислуге настроение своими улыбками, присоединились к завтраку.

Глава 1.4. Хозяева

В момент, когда опустели тарелки с кружками, в столовую убежала матушка Феврония со словами: «Хозяева прибывают!» Прислуга и садовники тут же вскочили со своих мест и бросились в холл, а Моника с Янисом, переглянувшись, убрали грязную посуду со стола и ушли на кухню.

– Лучше встретить хосяев, Мони. Дальше я сам, – погладив девочку по головушке, сказал Янис. Моника, кивнув, взяла машинку в руки и убежала к остальным, а мужчина, надев второй фартук поверх первого, взялся за помывку посуды.

Ровно встав перед лестницей по стойке смирно, прислуга Маргарита, Рогнеда и Лодырь, садовники Маковка и Ираклий, и повара Пахом и Моника услышали с улицы колокольный звоночек. Феврония и дворецкий Северин по традиции схватились с двух сторон за ручки дверей и одновременно открыли их именно тогда, когда по лестнице поднимались хозяева сие особняка – супруги Алёна и Диего Дебьюсаны.

Тонкая, как ажурный канделябр, с лилейно-белой кожей и золотом убранных в пять пучков волос женщина, хоть и была изрядно утомившейся, шла с кошачьей грацией и привычно улыбалась уголками чёрных губ. Округлое личико её с длинным прямым носом, родинкой над губой и полуприкрытыми персиковыми глазами, украшенными тёмно-красными тенями, сияло свежестью и красиво блестело на солн-

це. Фигуру её подчёркивало длинное винное платье без рукавов и с глубоким декольте, чей подол у колен разделялся, и этот разрез заполнил розовый мех. На поясе и на шее переливались бусины жемчуга, а изящно-длинные руки скрывали тёмные перчатки.

Рядом с ней, придерживая её под локоток, счастливо шёл крепкий скуластый красавец-мужчина с короткими вьющимися шоколадными волосами, изумрудом больших глаз и аккуратной бородой. На шее у него блистал крохотный золотистый кулончик, а из одежды на нём была белая рубашка с зелёным жилетом, к концу становящимся темнее, тёмные брюки, к концу становящиеся светлее, и коричнево-салатовые туфли. Перекинув через плечо, он держал редко надеваемый им охристый пиджак.

Казалось бы, пред вами – обычная молодая супружеская пара, что в них такого? Их главной изюминкой был возраст: Дебьюсаны словно остановились во времени и не старели, хотя Алёне было шестьдесят четыре года, а Диего – пятьдесят. Но, как говорится, добрые люди морщинами и сединой не покрываются, а Дебьюсаны были очень добродушными и прелестными людьми! Их знал практически весь город, их уважали и почитали везде, а также отовсюду к ним приходили нескончаемые приглашения на чай, от которых они не могли отказаться и часто пребывали в разъездах. Попали в Пылинбург они, кстати, двадцать восемь лет назад и совсем не жалели о своём выборе, ведь они – вместе, у них появи-

лась большая любимая семья – что ещё нужно для счастья?

За ними с чемоданом наперевес шёл водитель, супруг Маковки и отец Ираклия – тридцатидевятилетний Ахой. Внешне он был очень симпатичен и слегка женственен: мягкие черты лица заостряла борода, длинные блондинистые волосы доходили до пояса, благоухали белыми лилиями и шли большими волнами, фиолетовые глаза горели мириадами звёзд, а длинным светлым ресницам могли позавидовать девушки! Одет он был в свою привычную форму: бордовую поддёвку с металлическими пуговицами и восьмиклинку.

Если для Маковки Пылинбург был родным городом, Ахой являлся уроженцем города Ойой. Но как он попал в это Богом забытое место?

Когда Ахою исполнилось двенадцать лет, родители решили устроить ему на день рождения «незабываемое приключение» и на машине под шумок привезли его в Пылинбург, откуда семья не смогла выбраться. Прожив в изолированном городе три дня, его родители скончались от ужаса, когда встретились лицом к лицу с Пылярником, а подростка спас от смерти старик-водитель из особняка Дебьюсанов и взял его под своё крыло. Мальчик долго оправлялся после смерти родителей, однако новая работа помогла ему отвлечься от тягостных дум и воспоминаний.

Надо сказать, что Ахой был способным учеником и всё схватывал на лету, потому после смерти наставника он с честью взял на себя роль водителя. Но был у Ахоя один недо-

статок: сердце его было слабо, и сильные нервы вполне могли его убить, потому Маковка регулярно поила его успокоительными и всячески защищала от любого стресса. К счастью, к Пылярникам Ахой привык и мог им даже дать отпор, если то потребуется, потому чудовища не представляли для него сильной угрозы.

Перейдя порог особняка, Дебьюсаны остановились перед всеми и ласково улыбнулись.

– С возвращением, господа! – враз воскликнула прислуга, поклонившись.

– С добрым утром, котятки, – промурлыкала Алёна.

– Соскучились небось? – усмехнулся Диего.

– Да! – снова воскликнули все.

Малышка Моника тут же подбежала к супругам и по очереди обняла их. Алёна достала из сумочки карамельку и дала её девочке, а после с мужем зашла в гардеробную, где они переобулись в домашние туфли.

– Ну что, в наше отсутствие не было проблем? – поинтересовался Диего.

– Никак нет! – гордо ответила Феврония. – Всё в полном порядке, господин!

– Благостно! Никогда в вас не сомневался.

Алёна приобняла любимого за широкие плечи и вздохнула:

– Ох, я так хочу принять ванну, Диего! Моё тело жаждет отдыха и пенки... Ты сильно голоден?

– Для тебя могу и потерпеть. Прими ванну, а после вместе позавтракаем.

– Ах, любимая моя пантера! – поцелуй обжёг его щёку. – Я постараюсь не задерживаться!

– Хорошо, а я пока сыграю в бильярд с Янисом. Давай, зайка моя, иди! – он одарил поцелуем костяшки её пальцев.

– Люблю тебя! – она обратилась к Маргарите, всегда помогавшей ей принять ванну. – Маргоша, идём!

Взяв служанку за руку, Алёна поднялась на второй этаж. Диего ушёл на кухню к Янису, Ахой занёс чемодан в спальню к хозяевам, а после с женой и сыном ушёл в сад, повара ушли готовить на стол, а прислуга разбрелась по особняку.

Маргарита закрыла дверь на шпингалет. Алёна сняла кольца и стянула с рук перчатки, обнажив острые покрасневшие локти, а после не без помощи служанки сбросила с себя платье, оставшись в чёрных кружевных трусиках (бюстгалтер она никогда не носила, ибо ей он казался неудобным, а сосков у неё с рождения не было – мутация). Распустив белокурые волосы, женщина встала перед большим зеркалом и осмотрела своё тонкое подтянутое тело, игриво пройдясь по нему пальцами, а после подошла к раковине и смыла с себя макияж.

– Ох, Маргоша... – она стянула с себя бельё и положила их к своей одежде, пока Маргарита набирала воду в широкую ванную и намешивала пенку. – Думаю, Северин вам уже «по секрету» рассказал причину нашей поездки к Трикси.

– Если честно, то да...

– Не удивлена. Северин совсем не умеет держать тайны.

Алёна с томным вздохом села в ванну и промычала от удовольствия, чувствуя, как горячая вода ласкает её покрытое мурашками тело. Маргарита выключила воду и, сложив руки в замочек, встала рядом.

– Я словно заново родилась! – взяв в ладони горстку пены, хозяйка дунула на неё и по-ребячески посмеялась, когда воздушные «лепестки» разлетелись по сторонам. – Ах, вчерашний день был очень утомительным! Но зато Трикси стало легче. Бедняжка осталась вдовой с двумя детишками! Мы долго её утешали и, вроде, смогли подбодрить. Не представляю, какое горе она несёт в себе; будь я на её месте... не знаю, что было бы! Диего для меня – вся моя жизнь, как и я для него! А ведь всё началось с того, что нас в Миру (*прим.: Мир – столица Титальи*) познакомил его младший брат Лоренцо...

Маргарита, не сводя глаз с хозяйки, решила присесть на стул, ведь знала, что этот рассказ, который она слышала уже миллион раз, весьма долгий и, если честно, уже ей наскучивший.

Алёна вытянула ноги и продолжила историю:

– Лоренцо, конечно, очень добр и мил, не спорю, но Диего!.. Ах, как только я его увидела, то поняла – вот она, моя судьба, моя настоящая и единственная любовь! Я не должна была её упустить, ведь он был мужчиной моей мечты: ласко-

вый, добрый, успешный, романтичный, сексуальный! И я не хотела, чтобы моё законное место заняла какая-то коварная девчушка, которой кроме его денег ничего не нужно. А мне нужен был он! На его деньги мне плевать, ведь я сама весьма богата, ибо мой род Ивановых приписывался к аристократии Твари. Да, в то же время я прекрасно понимала, что старше Диего на четырнадцать лет, что он совсем зелёный и наверняка неопытный, но ведь породистых псов берут щенками, верно?

– Верно.

– Вот-вот! Потому я подружилась с его семьёй и была их частой гостьей. Мне тогда было тридцать три, ему – девятнадцать, он – молодой и амбициозный наследник компании по производству машин. К слову, в Титалью я приехала ещё девчонкой, чтобы выучиться на архитектора, но планы мои изменились, и по итогу я стала оперной дивой. Ох, тогда от мужчин не было отбоя! Но никто из них мне не нравился: все они были пошлыми и очень странными, потому я до тридцати трёх лет оставалась нетронутой розой.

– А у вас и вправду до тридцати трёх лет не было ни одного возлюбленного?

– Ни одного, Маргоша, ни одного! Я всегда верила в единственную и истинную любовь, потому все эти годы ждала *его*. И дождалась! Сначала я познакомилась с Лоренцо; он был одним из зрителей на моём шоу, а после он познакомил меня с Диего. Диего влюбился в меня с первого взгляда, как

он потом признался, и около года мы узнавали друг друга. Любовь наша крепчала. Мне было тридцать четыре, ему – двадцать, когда он сделал мне предложение руки и сердца. О, это был самый лучший день в моей жизни! Просто представь: мы в лучшем ресторане страны с видом на Белое море, нас окутывает полутьма и лишь со сцены, где большой оркестр в белых костюмах играет джаз, нас касается свет жёлтых софитов... И тут внезапно музыканты замолкают, а Диего встаёт на одно колено предо мной и молвит на титальянском: «Ты выйдешь за меня?» Конечно я без раздумий согласилась, и он под бурные аплодисменты надел мне кольцо! О, мы украсили тот вечер, как мы танцевали! Нет, это нужно видеть, Маргоша... Ах, как же я его люблю! Ради меня он готов на всё! Его родители не приняли наш союз, потому поставили его перед выбором: либо они и компания, либо я. И знаешь, кого он выбрал? Меня! Компания по наследству перешла Лоренцо, который вёл с нами тайную переписку, а мы с Диего переехали в Тварь, где прожили два года и после любопытства ради решили посетить загадочный Пылинбург. Как ты понимаешь, мы не смогли вернуться обратно и остались здесь. Конечно, я очень скучаю по Твари, но Диего здесь, со мной, а большего для счастья мне и не надо. Ну, и вы, семья наша, тоже с нами здесь! Я ни за что не променяю это истинное счастье на что-либо... Но, если мы всё же выберемся отсюда, то обязательно возьмём вас с собой!

– Но когда мы выберемся отсюда?

– Как судьба решит! И там, на свободе, я обязательно помогу тебе с музыкальной карьерой, кошечка моя, – она мечтательно вздохнула и посмотрела на просиявшую Маргариту.

– Правда поможете?..

– Конечно, котёнок. Для меня ты словно дочь, я несу за тебя ответственность, – она коснулась пальцем носика служанки и хихикнула. – Потрёшь мне спинку?

– Да, конечно!

Маргарита хорошенько напенила мочалку и начала осторожно тереть поднявшейся на ноги Алёне спину, перемещаясь к острым плечам, рукам, а после опускаясь к широким бёдрам.

– Кстати, Маргоша, не поверишь, с кем мы познакомились у Трикси!

– С кем же?

– С самым мэром! Господин Шухратт, как оказалось, часто бывает у них. Правда, я представляла его немного иначе, чем он есть на самом деле... Но, несмотря на мои фантазии, он очень обаятельный и добрый, но очень слабенький, молчаливый и шуплый. Кажется, ему было немного неловко с нами общаться, однако, несмотря на это, наше приглашение на чай он принял.

– Ого! К нам в гости нагрянет сам мэр?!

– Да, но мы не знаем когда. И, знаешь, смотря на господина Шухратта, я представляла: что было бы, будь рядом с

ним наша Рогнеда?

Маргарита удивлённо усмехнулась:

– Рогнеда? Почему?

– Мне показалось, они очень похожи: оба молчаливы, спокойны... Думаю, они бы нашли общий язык. Наверно для них и создана фраза: «С хорошим человеком и тишина – уют».

– Вы их уже сватаете?

– А почему нет? Господину Шухратту не помешала бы сильная женщина, а Рогнеда у нас крепка и телом, и духом. Но это так, мои домыслы и шутки.

– Ваши шутки имеют свойство сбываться.

– Посмотрим, что будет с этой «шуткой», ха-ха!

Закончив с ванными процедурами, Алёна надела нижнее бельё, укуталась в бордовый махровый халат, завернула волосы в полотенце и вдела ноги в тёплые тапочки. Маргарита смыла воду, ополоснула ванну от избытка пены и, взяв в руки вещи хозяйки, поспешила за ней в спальню. Дебьюсан встала у трюмо, взяла баночку с розоватым кремом и начала круговыми движениями втирать его в лоб и щёки, после проделала то же самое с другим кремом, только втирала его в руки и ноги. Служанка тем временем подготовила для неё ярко-красное домашнее платье с короткими рукавами-колоколами, чёрные кружевные чулки и туфли с розовыми бантиками.

– Спасибо тебе, Маргоша! Сообщи Диего, что я почти готова.

– Хорошо, госпожа!

Маргарита вышла из спальни, прикрыв за собой дверь, и поспешила в бильярдную, откуда доносился стук шаров. Постучавшись, она с позволения зашла в окутанную мраком тёмно-зелёную залу и объявила:

– Госпожа почти готова!

Диего и Янис оставили кии, привели бильярдный стол в порядок и вместе с Марго спустились на первый этаж, где их у лестницы встретила накрашенная и наряженная Алёна. Шеф-повар откланялся и сразу ушёл на кухню, дабы помочь поварам накрыть на стол.

– Как сыграли, пантера моя?

– Янис, всё же, мастер бильярда! – с улыбкой вздохнул Диего. – Я снова проиграл! Но на этот раз я был близок к победе.

– Мой почти-победитель! Уверена, скоро ты одержишь победу! – она одарила мужа поцелуем и взяла его за руку, переплетя с ним пальцы. – Ну что, идём завтракать?

– Идём, – он повернулся к служанке. – У нас же карбонара?

– Да, – кивнула Маргарита.

– А вы... вы все ведь уже завтракали?

– Да!

– Благостно! О, да, Марго, а не позовёшь ли к нам Иру? Мой язык желает дискуссий!

– Позову! Ещё что-то?

– О, на этом всё. Можешь потом сходить прогуляться; я знаю, как ты любишь это, тем более погода на улице чудесная. И, кажется, по пути где-то неподалёку я видел твою знакомую уборщицу.

– Мэйко?

– Да, кажется её.

– Хорошо, благодарю!

Маргарита поклонилась им, выбежала в сад, где встретила Ираклия, и передала ему приглашение хозяев на завтрак, которое тот с удовольствием принял и, переобувшись, отправился в столовую. Служанка успешно отпросилась у матушки Февронии и, проверив наличие патронов у пистолета, радостно выбежала на улицу на поиски своей второй подруги.

Глава 1.5. Уборка улиц

Обжигающий кожу пот градом стекал с красного лица, на лбу и шее вздулись вены. Стёкла панорамной маски запотели и, казалось, лучше уж быть без неё, чем с ней, но она защищала, ведь, перетаскивая останки очередного Пылярника в грузовик, можно наглотаться пыли и задохнуться. Двадцатилетняя Мэйко Аmano, уборщица трупов снова работала в одиночку и перетаскивала тяжёлый, мокрый скелет Пылярника в грузовик; красная форма её вся покрылась катышками влажной пыли. Перетащив по рампе останки чудовища, она минутку передохнула, размяв шею и плечи, и вновь спустилась на землю, дабы забрать пылярниковские потроха.

Немного поведедем процессе уборки улиц.

Все районы Пылинбурга в назначенный час (обычно это днём и вечером) объезжают трупоуборочные грузовики. Обнаружив тело, они останавливаются, и за дело берутся уборщики в красных комбинезонах и панорамных масках. Если перед ними тело Пылярника, они обливают его водой из шланга, дабы плоть разъелась и оставила на земле лишь громадный скелет и органы, после, распилив кости бензопилой, они перетаскивают всё в грузовик и отвозят в крематорий (коих в Пылинбурге всего два). Человеческие тела уборщики прячут в чёрные пакеты, затем сильной струёй воды смывают кровь с земли и забирают страшные «посылки» в морг.

Обычно уборщики работают группами по два-три человека, однако Мэйко из-за своего иностранного происхождения не приняли ни в одну команду, и она решила работать одна; благо, водить она научилась в шестнадцать и обладала недюжинной силой. Родом Аmano была из страны восходящего солнца – Дзяпони, маленького городка Хайяко. Отец её был из Даменстока, потому она ломано, но говорила на яокском (вместо «л» она говорила «р»).

Лицом лопухая Мэйко была миловидна: белая фарфоровая кожа, пухленькие губки, прямой носик и узенькие чёрные глазки с тёмными отпечатками недосыпа под ними привлекали излишнее внимание, ведь всё это контрастировало с её крепким, словно сталь мускулистым телом и весьма высоким для девушки ростом. Да и причёской она выделялась: правая половина её головы была пострижена под ёжик, когда левая хвасталась густотой не сильно длинных, но и не коротких каштановых волос. Однако сама девушка не жаждала внимания, потому даже в выходной день ходила в рабочем костюме, капюшоне и маске.

И вот, со вздохом подойдя к горе больших потрохов, Мэйко услышала знакомый голос со стороны:

– Мэйко, Мэйко!

Обернувшись, она улыбнулась, ибо к ней спешила её единственная подруга – Маргарита. Никто, кроме служанки, не хотел общаться с иностранкой, потому Мэйко была сердечно благодарна ей за эту дружбу.

Приподняв маску и сняв одну перчатку, Аmano с лучезарной улыбкой пошла ей навстречу.

– Рита, дорогая моя! Рада тебя видеть!

Марго остановилась и, встряхнув, пожала ей руку.

– Разве у тебя сегодня не выходной?

– Угу, но меня срочно вызвари, так как коррега приборер. Ну ничего, на средующей недере мне дадут церых два выходных!

– О-о, хорошо! – служанка наклонилась набок и глянула на останки чудовища. – Может, тебе помочь?

– Ой, да не надо! Остарись торько органы, потом у меня перерыв.

– Как скажешь! О, а помнишь, мы хотели посмотреть на железную дорогу?

– Помню.

– Не хочешь на перерыве съездить туда?

– М-м... а давай! Сейчас, торько органы уберу.

Под внимательным взором служанки уборщица в два счёта убрала потроха в грузовик, отряхнув руки, закрыла дверцы и помогла подруге забраться на соседнее сиденье, а сама села за руль. В убранном салоне приятно пахло корицей. Из радио лилась тихая оркестровая музыка.

– О, это же двадцатая симфония Лонеро! – прислушавшись, просияла Маргарита.

– Угу. Спасибо, что посоветовара его музыку; она успокаивает... Мне очень нравится!

– Ура! Я рада! – она как дитя прихлопнула в ладоши. – Кстати, а ты обедала?

– Нет, но я не городная, не переживай.

Мэйко поправила зеркальце, с которого свисал милый брелочек в форме трёхцветного котёнка, и грузовик тронулся с места. Маргарита с интересом рассматривала виды из приоткрытого окна и насвистывала в такт любимой симфонии.

– А нам далеко ехать?

– Окоро пятнадцати минут.

– О, поняла! – Марго вновь повернулась к окну, но спустя время замолкла и внезапно обратилась к подруге: – Слушай, Мэйко, можно поинтересоваться?

– Угу.

– А ты вообще когда и как в Пылинбург попала? Ты же, вроде, из другой страны...

– Да, я из Дзяпони. Я здесь уже, наверное, второй год, но по ощущениям, что работаю тут церую вечность. На самом деле я не очень хотера покидать Хайяко, так как рюбрю свой город, но, увы, мне пришлось.

– Почему?

– Родитери, – с её губ сорвался тяжёлый вздох. – У меня с ними быри ужасные отношения: мы ругарись почти каждый день! Отец называр меня беспорезной, матери я портира настроение одним своим видом, и она бира меня, грубо говоря, ни за что. Всё ухудшилось, когда у меня появирась

младшая сестра, – тогда я просто стара им не нужна. Потому в восемнадцать лет мой дядя, брат отца, когда я ему рассказывала об этой ситуации, предожир мне уехать к нему домой в Яоки. И я сограсирась. А потом... – голос её дрогнул. – Он привёз меня в рес между Пыринбурггом и Тварью, где хотер... изнасировать. Я смогра дать ему отпор и прибежара сюда, а дарыше всё как в тумане, есри честно... Я прохого помню, как начара работать; наверное, мой мозг пытается так избавить меня от ришнего стресса, ха-ха!

Побледневшая Маргарита с ужасом посмотрела на спокойное лицо подруги и воскликнула:

– Он пытался тебя... что?!

– Угу. Я не знаю, что сейчас с моим дядей, но я рада, что борыше его не вижу.

– Это ужасно!

– Угу. Но я не в обиде на него! Пусть у него всё будет хорошо.

– В смысле хорошо?! Он тебя травмировал!

– Всякое бывает. В цером, я ни на кого не в обиде и ни на кого не зрюсь. Я всегда жераю всем счастья, даже есри они причинири мне зро. Не хочу быть как они и нести в этот мир тьму, потому дай Бог им здоровья, рюбви и процветания! Может, хоть так они подобреют, ха-ха!

В салоне повисла тяжёлая тишина.

– Спасибо тебе, Рита.

– За что?..

– За то, что общаешься со мной и за то, что срушаешь меня. Я никому никогда не рассказываю о своём прошлом. В школе у меня не было ни друзей, ни знакомых, дома меня ненавидели, здесь... тоже. Если честно, я не понимаю, что со мной не так...

– Всё с тобой так, Мэйко! Это с ними что-то не так! А ты хорошая и добрая, прямо как лучик света!

– Но если бы я была нормальной, со мной бы общались...

– Так ты не ненормальная, ты – крутая!

– Правда?

– Правда-правда! Тебя просто окружили плохие люди! А ты им ещё и счастья, зачем-то, желаешь... – Марго призадумалась. – Слушай, а приходи на следующей неделе к нам в особняк! Я познакомлю тебя со своей семьёй.

– Что? Ты уверена?..

– Конечно! Мой хозяин о тебе уже слышал, так что-то ты-ы... ты можешь стать частью нашей семьи!

– О-ох, я... я подумаю. Но спасибо тебе за предложение. Кстати, мы на месте!

Припарковав грузовик, Мэйко открыла дверь и спрыгнула на землю, а после помогла спуститься Маргарите. Служанка боязливо осмотрелась: ни одной живой души!

– Здесь борщовая часть особняков заброшена, потому тут никто не живёт. А ещё здесь часто появляются Пырярики, – пояснила уборщица.

– Ничего страшного, я вооружена!

– А у меня шранг, так что нам никто не страшен!

Подруги со смехом поднялись на зелёный, усеянный белыми головками ромашек холм и остановились неподалёку от брошенной железной дороги, на которой, покосившись, стоял проржавевший насквозь пыльный паровоз с тремя смятыми вагонами. Подойдя ближе, они увидели, что путь перекрыли обвисшие жёлто-чёрные ленты и остроконечные чугунные решётки с предупреждающими об опасности красными знаками.

– Во-оу! Это же самый настоящий паровоз!

– Угу. Но это старая модель; сейчас предпочитают более современные поезда! Когда я была мarenькой, мы с семьёй часто путешествовали по жерезной дороге. Мерный стук корёс всегда меня успокаивал: туду-тум, туду-тум...

– А-ах, я тоже хочу покататься на поезде!

– Обязательно покатаешься! – она приобняла подругу и подбадривающе похлопала её по спине. – Не переживай, скоро мы отыщем этого ведьмака пыри и выберемся отсюда! Все вместе.

– Ты правда в это веришь, Мэйко?

– Угу, а как иначе? Нутром чую, скоро эта страшная история кончится! – она указала пальцем за ограду. – Там нас ждут свобода и счастье, Рита!

– Свобода и счастье... – служанка приободрилась. – Да, ты права! Главное не опускать руки!

– Угу!

Последующие десять минут подруги с любопытством осматривали смятые вагоны, внутри которых, как им показалось, темнели пятна крови и сверкали бесконечные осколки бирюзового стекла (по одному осколку, до которых смогли дотянуться, они забрали себе на память). К ограждению они не рискнули подойти и осмотрели его издалека, но ничего интересного не заметили.

Когда перерыв уборщицы кончился, они забрались в грузовик и поехали обратно.

– Здорово погуляли! – улыбнулась Маргарита, рассматривая переливающийся на солнце осколочек стекла.

– Угу. Рюбрю заброшенные места; там всегда так умиротворённо и тихо...

– Наверное поэтому ты любишь свою работу, да? Имею в виду... у тебя тихо, спокойно, никто тебе не мешает.

– Угу, ты права. Я совсем не умею работать в команде, в отрицание от тебя.

– Ой, да я тоже не шибко срабатываюсь с остальными. Ментальная связь у меня получилась только с Рогнедой, да и то я понять не могу, почему...

– А Рогнеда хорошая?

– Очень! Правда, она любит дурацкие шутки и вечно подкладывает мне на стул подушку-пердушку, но у каждого есть свои минусы.

– Ха-ха, забавно! Есри я вдруг с ней встречусь, надеюсь, что мы найдём общий язык.

– О-о, найдёте! Она не шибко разговорчива, но очень добра! В нашем особняке никто никого не задирает (не считая одного человека, но у каждого есть свои минусы, правда?) и все дружат! Мы ведь семья.

– Я рада за тебя, Рита.

Подъехав к воротам особняка Дебьюсанов, Мэйко снова помогла подруге слезть с грузовика, сняла перчатку и крепко пожала ей руку на прощание. Маргарита одарила её лучезарной улыбкой, пожелала ей удачи и, проводив «машину смерти» взглядом, зашла домой.

Глава 1.6. Мечты

Меланхоличная букашка под вечер укусила Маргариту и пропитала её разум горьким ядом уныния. Казалось, к сердцу привязали тяжёлый, давящий на внутренности булыжник, а горло обросло терновыми ветвями. Глаза противно щипало, а слёз не было; одновременно хотелось предаться рыданиям, но в то же время плакать совсем не хотелось. Эх, погано как-то...

Служанка, тяжело вздыхая, бесцельно глядела в окно, опёршись о подоконник локтями и подперев щёки кулаками. Глаза её блуждали по пустой, покрытой тёмно-синим покрытием улице, обращались к чёрным, неприветливым небесам, где она отчаянно жаждала увидеть хотя бы на мгновенье проблеск звёзд, о которых ей когда-то перед сном рассказывала Рогнеда. Однако Пылинбург не сопровождало звёздное сияние, как бы говоря, что даже природа забросила этот несчастный город, лишённый света надежд.

«А в Октавиусе небо ультрамариновое, со звёздочками, которые выстраиваются в созвездия... Э-эх, и зачем Рогнеда мне всё это рассказала? Я же ещё сильнее хочу на волю! Хочу увидеть звёзды, хочу увидеть другие города, хочу жить в Даменстоке, хочу попробовать разные блюда, хочу туда, где я ещё не была, хочу, хочу, хочу!!»

Разочарованно промычав, она уткнулась в руки, пока Ло-

дырь за её спиной играл на пианино и пел:

*Я хочу мечты закатать в асфальт,
Чтоб не видеть их ещё лет пять
И не плакать о них опять,
Не хочу, не хочу стг'адать!
Так сложилась судьба, так случилось,
К сожалению так, увы, получилось,
Что свобода мне только пг'иснилась!
Что любовь моя пылью покг'ылась!*

– А ты можешь петь что-то не заунывное?! – недовольно воскликнула хмурая Марго, обернувшись к Лодырю.

– Как пожелаешь, пг'инцесса! – усмехнулся юноша, и тут же из-под его пальцев заструилась новая, более бодрая мелодия.

*Я – твой слуга, ты – моя ког'олева!
Вег'ен и пг'едан я лишь тебе.
Я никогда не пойду налево,
Будешь ты жить как в чудесном сне!
Звёзды, небо, даже землю
Поког'ю, отдам тебе!
Твоим словам всегда я внемлю,
Не дам сломать тебя беде!*

*Стг'елки меняют ход мыслей,
Г'ушатся, бьются часы...
Нет больше судеб, нету и смысла,
Остались лишь чаг'ы твоей любви...*

Маргарита снова задумалась о мрачном и резко шлёпнула себя по щеке, зашептав как молитву:

– Ну-ка не ныть! Соберись, Марго, не будь как тряпка! Всё будет хорошо, все твои мечты исполнимы и судьба изменчива, она благосклонна к тебе! Ты не мечтаешь о горах богатства, ты всего лишь мечтаешь о свободе... Всё хо-ро-шо...

Открыв глаза, она глянула в окно, чтобы обратиться с просьбой к небесам, однако вместо небес увидела пыльный вихрь, медленно формирующийся в весьма крупного Пылярника: сначала проявились мощные, крепкие ноги с шарами икр, затем – узкий острый таз. Маргарита бросилась к поющему Лодырю.

– Идём, у нас появилась работа!

– А-а?

– Пылярник!

– А-а!

Прислуга выбежала из особняка, по пути вытащив из кобур пистолеты; Маргарита вдобавок вооружилась шваброй, внутри которой таилось наиострейшее лезвие. Обнажив «клинок», девушка первой бросилась к стороне, у которой увидела формирующееся чудовище, забежала за угол и тут

же мячом отлетела назад, рухнув навзничь на мощёную дорогу. Широко распахнутые от ужаса глаза устремились к пустым небесам. Из покрасневшего и припухшего носа заструилась кровь. Разбитые очки вместе со шваброй отлетели в сторону.

Стоит сказать, что Маргарита не понимала, нет, не знала ужаса смерти. Конечно, однажды она видела чужую гибель, но продолжала считать это всё отдалённым, не относящимся к ней. Лицом к лицу со смертью она не встречалась и не собиралась встречаться, да и о своей смерти она никогда не задумывалась. К слову, и в битву она никогда не бросалась первой, однако этот раз, почему-то, стал исключением.

Взволнованный Лодырь подбежал и помог ей подняться на ноги.

– Пг'инцесса! Ты как?!

– Я... я в порядке.

Поодаль раздался животный рёв. Юноша, придерживая приходящую в себя после удара подругу, обернулся и выстрелил в трёхметрового широкоплечего Пылярника, попав ему прямо в глаз на лбу. Чудовище завопило от боли, широко разинув жёлтозубую пасть, и стремглав бросилось на прислугу. Благодаря его неуклюжести и нерасторопности из-за роста, Лодырь и плохо видящая Маргарита успели отбежать в сторону и принялись обстреливать широкую серую спину с цепью обнажённого позвоночника. Пылярник медленно обернулся; глаза его налились кровью, из горла вырвался

гневный рык.

– Отвлеки его, а я заберусь ему на спину и перережу горло! – шепнула Лодырю Маргарита, подняв швабру-клинок. Слуга кивнул, перезарядил пистолет и с привлекающим внимание криком бросился на Пылярника, дырявя его тело водяными пулями. Чудовище закрывалось руками, думая, что так защитится от града выстрелов, и вопило то ли от боли, то ли от ярости.

Служанка, размазав струящуюся кровь по лицу и раздумывая, как ей забраться на хребет чудовища, забежала ему за спину, и – о, чудо! – Пылярник встал на четвереньки, дабы волком наброситься на надоевшего ему слугу. Маргарита ловко прыгнула ему на спину и, добежав до лопаток, насквозь вонзила лезвие ему в шею. Чудовище вновь сотрясло воплем воздух и вскочило на ноги, – не предвидевшая это девушка с криком полетела на землю, однако её вовремя поймал на руки Лодырь.

– Не получилось, – нервно хихикнула она и испуганно икнула, когда Пылярник повернулся к ним лицом.

– Твою мать, пули его не бег’ут! – прошипел слуга, отбегая с подругой на руках от чудовища и попутно стреляя ему в грудь. – Кажется, это снова кт’епкий ог’ешек! Нам бы сюда Г’огнеду!

– Живо беги к саду, там есть шланг!

– Понял!

Они притормозили, обернувшись, и хотели пробежать

между ног противника, однако замерли на месте и, подняв глаза, увидели, как шеф-повар Янис, сидя на шее вопящего Пылярника, стрелял ему в висок из пистолета. Чудовище замотало головой и нелепо пыталось достать до него руками, однако никак не могло схватить или стряхнуть с себя бывшего военного. По итогу спустя череды выстрелов Пылярник с хрипом закатил глаза и с воплем рухнул на землю, подняв густой туман пыли. Вставшая на ноги Маргарита и Лодырь закашлялись, разгоняя пыль руками, и медленно подошли к телу, верхом на котором сидел невозмутимый Янис.

– Вы как? – спросил шеф.

– В-в норме, – ответила служанка, пытаясь остановить носовое кровотечение.

– Да, но мы что-то не г’ассчитали свои силы...

Со стороны послышалось хихиканье, – Моника подошла к Пылярнику с ведром наперевес и облила его бок водой, – пыльная плоть тут же начала разъедаться, обнажая лабиринт крупных органов. Янис спрыгнул на землю, сел на корточки и прострелил труп сердце.

– Теперь точно всё, – заключил он, по-отечески приобняв Моника.

– Рита, у тебя кровь! – удивлённо воскликнула девочка.

– Да, я знаю... – стыдливо отмахнулась Маргарита. – Простите, господин Янис, что вам пришлось...

– Всё хорошо, главное, что вы живы; этот противник был не ис лёгких.

– Но вы так быстро с ним управились...

– Повторюсь: никогда не сравнивай себя со мной. Мы хороши по-своему. Лучше радуйся, что осталась жива, и иди, приложи к носу лёд, чтобы остановить кровотечение.

– Спасибо вам.

Янис кивнул.

– Пг'инцесса, тебя сопг'оводить?

– Не, не стоит. Иди спа...

– Он пойдёт со мной на вечернюю тренировку, – отрезал шеф.

– Опять? – скривился Лодырь.

– Да. Ты всё ещё слишком слаб, Лодырь. Ладно Маргарита не справилась с таким Пылярником, она, всё же, девушка, но ты должен был её сащитить. И почему ранена она, а не ты?

– Ну, эм...

– Никаких оправданий! Идём; ты и так отлынивал целую неделю.

Янис хлопнул мычащего Лодыря по спине и повёл за собой в сад. Моника взяла Маргариту за руку и повела в особняк на кухню, где служанка достала из холодильника небольшой кусочек мороженого мяса и, устало сев на стул, приложила его к носу. Девочка принесла влажное полотенце и принялась вытирать ей лицо от крови.

– Ты одежду замарала.

– Да, я в курсе...

– А где твои очки?

– Сломала...

– У тебя есть новые?

– Да, осталось ещё две пары...

– Ничего, тётя Алёна и дядя Диего тебе ещё очков привезут!

Повисла пауза.

– Ты грустишь потому, что не победила?

– Если честно, да. Досадно, что я до сих пор не могу сражаться без Рогнеды; она намного сильнее меня. Думаю, она без меня с этим Пылярником управилась в два счёта!

– Зато вы крутая пара! Я видела, как вы сражаетесь вместе, и это выглядело очень... очень круто! И не расстраивайся. Я уверена, что скоро ты станешь ещё сильнее и будешь такой же, как мой папа!

– Спасибо за поддержку, Мони, – слабо улыбнулась служанка и, убрав мясо от носа, поднялась, чтобы вернуть его на место, как вдруг её ягодицы обжёг шлепок. Испуганно икнув, она обернулась и с возмущением воскликнула:

– Папа! Опять?!

– Ха-ха, ну прости, прости, не удержался! – посмеявшись, Пахом потрепал дочь по щеке и, услышав шаги позади себя, обернулся. – А, лопоух...

Щёлкнула пощёчина. Повар схватился за ушибленную щёку и, осознав случившееся, гневно смерил хмурую Рогнеду взглядом.

– За что?!

– За всё хорошее, подонок. Если ты ещё раз посмеешь тронуть Марго, я тебе все пальцы переломаю. Ты меня понял?

– Да как ты смеешь мне угрожать?! Это моя дочь! Я делаю, что хочу!

– Она не твоя собственность и уж тем более не вещь, которой можно обладать. Я тебя ещё раз спрашиваю: ты меня понял?

Он хотел огрызнуться, но под выстрелом её яростно горящего взора щёлкнул зубами и, попятившись, кивнул. Рогнеда взяла подругу за запястье и насильно повела её в туалет.

– Рогнеда... Зачем ты с ним так?

– С кем? С этим утырком?

– Он не утырок, а мой отец! Помиришься с ним, пожалуйста; он ведь не со зла...

– Ещё чего!

Подведя расстроенную Маргариту к раковине, Рогнеда сняла с неё окровавленный фартук и, подставив белую ткань под холодную струю воды, начала яростно оттирать красные пятна.

– Я видела, как вы сражались.

– О-ох, ты видела этот позор?..

– Почему позор?

– Мы с Лодырем проиграли и, если бы не Янис...

– Это не позор, вам просто попался сильный противник.

– Но я думала, что уже достаточно сильная...

– И поэтому первой бросилась в бой?

– Да. Я думала, что справлюсь! Но оказалось, я всё ещё слабачка...

– Марго, одна ты бы не справилась.

– Я была с Лодырем.

– Это всё равно, что одна. Он ленивый, потому слабый, и слабый, потому что ленивый.

– Но он тоже сильнее меня!

– Вряд ли. Думаю, вы одной силовой категории, если он не слабее, – отстирав фартук от крови, она повесила его себе на согнутое предплечье и обернулась к подруге. – Хочешь, завтра потренируемся?

– Да, хочу!

– Тогда встаём рано. Я предупрежу матушку Февронию.

– Хорошо. Спасибо, Рогнеда!

Рогнеда с ухмылкой потрепала её по голове и направилась к спальне, где повесила влажный фартук на дверцу шкафа и начала переодеваться. Маргарита же с позволения включила радио (где играл её любимый Сэмюэль Лонеро), около которого мечтательно повздыхала, после подбежала к трельяжу, села на стульчик перед зеркалами и взвизгнула, когда из-под неё раздалось протяжное «пу-ук».

– Рогнеда! – покраснела она, вытащив из-под ягодиц небольшую подушку-пердушку.

Рогнеда усмехнулась и, надев голубоватое ночное платье, забрала свою «игрушку».

– Обожаю.

– А я нет! Хватит подкладывать мне эту дурацкую подушку! Честное слово, скоро я её выброшу!

– Бесполезно.

Маргарита возмущённо надулась, вытащила из выдвижного ящичка новые очки, сняла чепчик и распустила волосы, пока чудная струнная мелодия, подобно лёгкому утреннему туману, кутала комнату. Пританцовывая, она подошла к шкафу и, поведя плечиками, сняла с себя платье.

Из радио донёсся излюбленный ею баритон:

*Этот взгляд довёл меня до дрожи,
Дрожит слеза в пушке густых ресниц.
Ты поняла, как мы с тобой похожи,
И жжётся в огне судьбы своей страниц...*

– А ты всё о Даменстоке гредишь, – качнула головой Рогнеда.

– Конечно! Там ведь наверняка очень здорово и интересно!

– Не очень, – поймав на себе вопросительный взгляд, она хмыкнула. – Я ведь из Даменстока, так что знаю, о чём говорю. Там скучно.

– Что-о?! Ты же говорила, что ты из Октавиуса!

– А я только недавно начала вам доверять.

– Ах ты! – Марго снова надула щёки. – Раз так, то доверь мне теперь какую-нибудь информацию о себе!

– М-м... у меня была кошка по кличке Песчинка. И я не знаю, что с ней сейчас.

– ...а что такое кошка?

– Не что, а кто. Кошки – это животные, которые ходят на четырех ногах и мяукают. Они бывают лысыми, бывают короткошёрстными, но у меня была большая (почти с меня ростом) и очень пушистая кошка породы мейн-кун.

– Мейн-кун, четыре лапы... Нет, не могу представить! Хочу уви-идеть! Хочу, хочу, хочу!!

– Может, когда-нибудь увидишь, – Рогнеда взбила подушку и легла в постель, пока Маргарита, сидя за трельяжем, с мечтательными вздохами слушала Сэмюеля. – Неужели ты... ты влюбилась в Лонеро?

– А? Ну-у... есть такое! Он очень хороший, судя по интервью, которые я слушала! Добрый, милый, сердобольный, щедрый и... и вообще в него невозможно не влюбиться! Знаешь, я уверена, что, когда приеду в Даменсток, то буду играть у него в оркестре, где он заметит меня и потом!.. – покрасневшая служанка прижала кулачки к губам и захихикала.

– Господи... – блондинка устало потёрла переносицу и нахмурилась сильнее. – Я тебя разочарую, но любовь зачастую ужасна, Марго. Я, конечно, надеюсь, что тебя обойдет любовное несчастье, однако настоящая и преданная любовь, о которой пишут в книгах, встречается крайне редко. Поэтому опустишься с небес на землю; я не хочу, чтобы ты разбилась.

– Почему ты всегда так негативно мыслишь? Что-то слу-

чилось?

– Ты правда хочешь знать?

– Конечно! Ты всегда твердишь, что любви нет, но я уверена, что ты просто её никогда не ощущала!

– Я не бесчувственная машина, Марго. Было время, когда и я любила другого человека больше собственной жизни. Но это было ошибкой. Я, как и ты, была ослеплена сказками про «вечную и верную любовь», потому что рядом не было никого, кто мог бы вразумить меня. А тебя вразумлять буду я.

– ...так что случилось, Рогнеда?

Рогнеда шумно выдохнула.

– Марго, ты знаешь, что такое изнасилование?

– Ну, изнасилование – это... это когда к тебе пристает мужчина!

– И зачем?

– Я откуда знаю? У меня никогда такого не было!

– А что такое секс знаешь?

– Нет.

– А откуда берутся дети?

– О, это знаю: из капусты! Мне папа рассказывал!

– И ты ему поверила? Серьёзно? Какое же ты дитя...

– Ну тогда расскажи мне, откуда берутся дети и что такое секс! И я не дитя, я уже взрослая самостоятельная девушка!

– Дитя, ты – дитя. Если вкратце, то от секса появляются дети. А секс – это больно и страшно, потому что в тебя, девушку, мужчина пихает свой член, чтобы он получил удо-

вольствие, а ты – боль.

– А что такое член?

– То, что у мужчины между ног. У тебя между ног – вагина, у них – член, который может порвать неподготовленную вагину. И порой секс может быть не по согласию – это и называется изнасилованием. Ах, да, большинству парней нужен от тебя только секс, а не романтика, потому что они – безответственные подонки, которые ценят лишь плотские утехы.

– Неужели даже Лодырю от меня нужен только секс?..

– ...ладно, насчет него я не уверена. Но другим мужчинам, наподобие твоего похотливого мудоотца, да. Поэтому я дала ему леща, чтобы он больше не трогал тебя за интимные места. Лодырь тогда правильно сказал, что ты – взрослая красивая девушка, и мужчины не должны трогать тебя за ягодицы или за грудь.

Маргарита молчаливо села на свою постель.

– Неужели тебя изнасиловали, что ты так остро на все это реагируешь?..

– ...пытались.

Глаза шатенки округлились, и она в ожидании (и ужасе) уставилась на подругу. Рогнеда тяжело вздохнула, отложив книгу, и решила поведать историю:

– У меня был возлюбленный, которого я любила больше всего на свете. Он был добрым, романтичным, шутливым, весёлым – в общем, как мне казалось, был идеалом мужчи-

ны. Мы познакомились, когда я работала официанткой, и спустя пару месяцев общения он предложил мне отношения. Конечно же я согласилась, так как это был мой первый опыт, и я была наивной идиоткой.

– А что случилось потом? Вы поссорились?

– Он изменил мне с моей лучшей подругой.

– Оу...

– Но это не самое страшное. Он привязал меня к стулу и заставил смотреть за тем, как они тра... занимаются сексом. После он хотел и меня принудить к этому, проще говоря, изнасиловать. Не переживай, я сумела сбежать, и больше мы не пересекались, – она встретилась с побледневшей Марго взглядом. – Пойми, я не хочу, чтобы ты пережила подобное, Марго. Поэтому считаю, что лучше остаться старой девой, чем испытывать боль раз за разом.

– ...неужели ты больше никогда не влюбишься?

– Никогда. Я поклялась себе больше никого никогда не любить и сдержу клятву.

Тишина осела на уши.

– ...прости, я не знала, что ты пережила такой ужас. Я думала, что ты просто вредная, а тут...

– Это ты меня прости. Не знаю, зачем я тебе это рассказала. Кроме матери этого никто не знал.

– И я рада, что ты мне наконец-то доверилась! – Маргарита вспорхнула с постели и подбежала к подруге, крепко обняв её за шею; та вздрогнула и нахмурилась. – Мы же с

тобой как сёстры, мы должны доверять друг другу!

– Ага... Ладно, ладно, хватит телячьих нежностей. Сейчас придёт матушка Феврония и не поймёт этой сцены.

– Если обнимешь меня в ответ, то отпущу!

С тяжёлым вздохом Рогнеда приобняла её.

Спустя четверть часа в спальню вошла изрядно утомившаяся Феврония, закрыла дверь и распустила свои длинные густые волосы.

– Ну что, девочки, как вы тут?

– Всё хорошо, матушка Феврония! – просияла Марго.

– Боже, Марго! У тебя нос красный и опухший!

– Не переживайте, это я немного неудачно с Пыляриком подралась...

– Больше травм нет, надеюсь?

– Только спина ещё немного побаливает, но в целом всё хорошо! Вы же знаете, матушка, я – крепкий орешек!

– Моя боевая девочка! – Феврония одарила подопечную поцелуем в макушку. – Горжусь!

– Ах, да, матушка Феврония, – прервала их нежности Рогнеда, – завтра мы с Марго встанем пораньше на тренировку.

– Хорошо, поняла. Тогда помолимся и поскорее ляжем спать!

Сев на свою постель, Феврония сложила руки в мольбе, закрыла глаза и начала молитву:

– Великий и бесстрашный Создатель, друг наш, защитник наш! Наши души и тела пребывают под Вашим покровитель-

ством, все мы ходим под Вашим внимательным взглядом. Простите нас, коли мы пренебрегли Вашим доверием, простите нас, коли согрешили. Даруйте нам своё милосердие, не покидайте нас на сие жизненном пути. Молим о помощи в зав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.